

НАТАЛИЯ НОВАШ

И ВСЁ, ЧТО
БУДЕТ
ПОСЛЕ...

Созвездие Амнуэля

Наталия Новаш

И всё, что будет после...

«Остеон-Групп»

2016

Новаш Н. В.

И всё, что будет после... / Н. В. Новаш — «Остеон-Групп» ,
2016 — (Созвездие Амнуэля)

ISBN 978-1-5346-7373-1

«И всё, что будет после» – историко-фантастический роман с элементами детектива. События разворачиваются на земле, которая помнит защитников Великого Княжества Литовского, Наполеона и героев Костюшки. Действие главной линии романа происходит в 1980 году, когда в день смерти Высоцкого во время летней Московской Олимпиады Землю посещают таинственные «иностранцы». События второй линии романа связаны с первым путешествием Вивекананды в Европу, когда тот проезжал через Нарочанский край, чтобы прочитать лекцию в Вильне. Это роман не только о конце Российской Империи, но и о том будущем, которого она себя лишила.

ISBN 978-1-5346-7373-1

© Новаш Н. В., 2016
© «Остеон-Групп» , 2016

Содержание

Пролог	5
Глава 1. У озера	9
Глава 2. Происшествие «за бугром»	19
Глава 3. Начальство из Постав	24
Глава 4. Расследование в Шабанах	30
Глава 5. Путь в Идалину	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Наталия Новаш

И всё, что будет после...

Пролог

Ежиха двигалась на свет звезды. Когда-то она поднимала голову вверх и отыскивала в высоте звезду, но это было очень давно – не было леса, и не было этих деревьев, и ветки не заслоняли небо... Ей помнилась лишь вода – тёплое море внизу и горячий песок над ним. Море высохло, став болотом. Потом наступили льды, и не передать, сколько длилась эта тягостная зима, но ежиха пережила и её. Ледник ушёл, сравняв гору и оставив после себя холм и озеро под холмом. По другую сторону вытянутого в длину холма, на месте болота, тоже синело теперь чистое ледяное озеро, и вся её жизнь прошла на этом холме между двумя озерами. Сколько было у неё ежат!.. Но ни один из них не стал таким, как она. Почему? – спрашивала она звезду. Больше некого было спросить. Звезда молчала. И сейчас, не поднимая головы, ежиха знала: звезда там, впереди, и, нюхом чуя свой путь, карабкалась вверх по склону – разрывая лапами коричневые пласты слежавшихся прошлогодних листьев и прелую землю, приминая брюхом жёсткие сердцевидные листья печёночницы (отцветших ранней весной голубых подснежников), – они выпрямлялись из-под неё и вставали, как ни в чём не бывало, гибкие и зелёные, – она ползла, и память, накатывая волнами, вставала перед нею, как яркая, живая картина.

Она ползла вверх всё быстрее, продираясь сквозь дрок и высокий, душистый, полный спелых ягод черничник. Она бодрствовала уже давно – с тех пор, как там, в левой части неба, над кронами серебристых бальзамических тополей, показалась луна – огромный приплюснутый желтый глаз невиданного светляка – и, быстро всходя над «бальсаном», начинала свой путь по небу: вправо и вверх, туда, где над озером, над корявой сосной сияла Большая Озёрная Звезда. И теперь, поднимая голову ввысь, ежиха встречала в ветвях звезду. Ежиха знала, что её путь так же определен, как путь луны – он вёл её вправо и вверх в гору, к сияющему маяку. И каждую ночь, упорно взбираясь по склону и неизменно отыскивая свет звезды, она ещё не помнила и не понимала, куда и зачем ведёт её этот свет... Но, поднявшись на самый верх и увидев внизу рассечённое лунной дорожкой озеро, она уже очень хорошо знала, куда и зачем привёл её этот путь.

Остановившись передохнуть и вырвавшись из собственной полосы шума, только мгновение слышала она тишину ночи. И вслушиваясь в ближний треск цикад – всё явственней начинала ощущать, как шумит весь лес. Множество ежей справа и слева от неё, разрывая лапами сухую листву, стремились в гору – такая же полоса шума за каждым из них с упорством работающей, сопящей жизни тянулась к вершине... Их путь был так же определен, как путь луны.

Ежиха была на самом верху, на песчаной сухой дороге. Шум множества ползущих ежей оставался у нее за спиной, в ночном, полном жизнью лесу, а впереди внизу, у подножья холма блестело озеро, рассеченное серебряной дорожкой луны. И справа весь склон холма – безлесый пологий берег, поросший здесь, наверху, и у самой воды раскидистыми деревьями и погруженный сейчас в темноту ночи, – вспыхивал огнями костров.

Звёзды мерцали над людскими кострами, и луна, проделав уже половину ночного пути по небу, стояла теперь в зените: прямо перед ежихой и над кострами людей, клонясь к одинокой Большой Звезде, что сияла над озером, над корявой сосной, чью верхушку искалечило молниями в грозу. И с тех пор дерево, как исполинский краб, опускало на берег могучие ветки-руки, словно пыталось найти опору, чтобы не упасть.

В этот час все ежи расползались к кострам, которые, один за другим, начинали гаснуть. Но ежиха не торопилась. Она была самой старой и очень умной ежихой и знала, что вот этот –

самый большой костер, горевший сейчас там внизу под огромной ивой, – ее костер, он погаснет самым последним, когда все ежи в страхе перед рассветом расползутся по своим норам.

Она давно уже не боялась рассвета и не боялась людей, много раз попадавшая в их руки. Люди, жившие у этих костров, никогда не были злыми. Казалось, они ловили её только затем, чтобы наколоть кусок яблока на иголки или сунуть под нос блюдечко с молоком. Но никогда, даже привыкнув к людям, она не брала угощение из их рук, как не взяла его в тот первый раз, смертельно задрожав от страха... Она долго сторонилась людей. Но однажды... это тоже было очень давно...

– Нельзя, паночку! Пани злуваться буде... – голос звучал так мягко и очень близко. И точно издалека – словно большое дерево встревожено склонилось над маленьким. И когда детские пальцы подхватили её под брюшко, она не успела сжаться и услышала этот другой – звонкий голос – совсем близко. И руки в белоснежных манжетах прижали её к груди, ткнули носом в приятную белизну, в ворох пахнувших чем-то приятным кружев...

Потом её часто гладили ребячьи пальцы. Но это были другие дети в жёстких льняных рубашках, пахнувшие приятно, но по-другому. И теперь она уже прятала морду в иголки, сворачивалась калачиком – после того, как большой человек с солдатской сумкой научил её бояться...

В тот день она по привычке ждала в кустах у дороги. Шаги слышались, как обычно, но это были не маленький паныч с няней, и ветер нес ей другие запахи. Хлебом, дымом и табаком пахло от двух бродяг.

Люди остановились. Удивленно фыркая, она ткнулась в обутую в лапоть ногу того, кто нёс за спиной ранец и старые солдатские сапоги. Это был солдат, возвращавшийся с войны, которому очень надоело воевать.

– Жывёлина... – сказал его спутник – босой, в серой льняной рубахе – и снял с головы свою жёлтую соломенную шляпу. – Глянь, яка!

Босой пошевелил пальцами – ежика не испугалась. Он наклонился и, тронув ежику за нос, с улыбкой взглянул на нахмурившегося солдата.

Ежика уже сидела в шляпе.

– Не балуй! – строго сказал солдат, но спутник успел сунуть руку в мешок, перекинутый через плечо. Запахло хлебом и молоком.

– Отпусти, брат! Лепш хлеба не нюхать, да неволи не знать...

Второй уже отломил горбушку:

– Гляdzi, не баицца!

– А ты бойся! У-ухх! – крикнул вдруг солдат. – Человека, брат, бояться надо, если жить хочешь! – и он громко заколотил сапогами о кожаный ранец, а потом приподнял за иголки сжавшийся в миг комочек и бросил в придорожный папоротник.

Она помнила урок солдата. И давно уже, не ведая страха к чему бы то ни было, но, помня о других ежах и не желая поэтому приучать людей, никогда не брала лакомства из их рук, хоть и очень порой хотелось сделать приятное людским детям. Те так искренне огорчались: почему она не пьёт молока? А она удивлялась тоже: «Как не поймут? Какое же молоко – если страх, если смерть, если неволя?»

Сама она не боялась людей, ибо знала их мысли. Любила подслушивать в темноте их длинные разговоры. А потом... Как случилось, что стала вдруг понимать их язык? Людской язык, которому так и не смогла обучить других. Сколько было у неё ежат – и все они вырастали, становясь взрослыми ежами – чужими и непонимающими, как трава и деревья. А она по-прежнему оставалась одна. Она и люди со своими кострами – люди, которые уходили и приходили теперь каждое лето. Как тысячи лет назад...

И целую вечность ещё до того, как в первый раз пришли люди, она была совершенно одна. С тех пор, как мир стал таким, как есть – с озерами и холмами. С тех пор, как ЭТО случилось.

ЭТО было для нее как видение. Начало начал. Первое воспоминание, с которого стала помнить себя. Сверкающий, льющийся живыми струями фонтан золотого света. Как вспышка молнии, расцвел он в тонком луче звезды – и брызги падали золотыми яблоками с гибких веток – струились и впитывались землёю, травой, лесом. Нет! Не было тогда леса, и она не знала, что такое яблоки. Только гладкая, как бесконечное озеро, равнина болота, в котором она жила... И была ли она ежихой, такой, как сейчас, уже не помнит... Да и жила она далеко отсюда – лишь видела издалека, как возник этот мир: озеро и гора, и долго ползла, привлеченная чудным светом.

Свет был началом начал. В тот час, в утреннем свете зари звезда сияла ещё, готовая вот-вот погаснуть. И тут – в тонкой струне, пронзившей вдруг левый глаз – до боли, до тошноты – вспыхнула новая, другая звёздочка, выросшая в одно мгновение – словно там, где стояла теперь меченная молниями сосна, упала сияющая золотая шишка – и тонкая золотая нить соединяла её со звездой.

Золотая шишка зависла в воздухе, раскрыла свои чешуйки – и оттуда посыпались сверкающие семена – ослепляющий фонтан золотого света...

Фонтан иссяк, струи света впитались в землю, – и все пропало, исчезла и паутинка, соединявшая со звездой.

Но с той поры стали зажигаться костры. И однажды пришли люди.

Она любила смотреть на людские костры, напоминавшие это начало начал. А потом не стало этих маленьких огоньков. Были долгие ночи тьмы среди льдов и мрака, затем – ночи тьмы под мерцанием летних звёзд, где лишь слабо мигали в ответ робкие светлячки, пока, наконец, возник новый – сияющий и прекрасный источник света. Он стоял здесь, под ивой, и по вечерам из настежь открытых окон, озаренных пламенем свечей, слышались голоса, лилась музыка, и люди, входившие в этот дом, были одеты не в узенькие цветные повязки, едва прикрывавшие тело, а в длинные свободные платья, похожие на туман, который стелется над озером вечерами.

Потом окна уже не светились по вечерам. Малыш в белой рубашке, который брал когда-то ежиху на руки, стал большим. Как высокое дерево вырастает из маленького ростка. Он стал приходить сюда по утрам, вместе с детьми в серой льняной одежде, и, когда вечером звенел звонок, много маленьких русоголовых мальчиков выскакивало из-за своих парт. Он выходил на крыльцо последним и долго смотрел на озеро, а потом, повернувшись влево – на «бальсан», на серебрищиеся бальзамические тополя меж крыш усадьбы. Теперь оттуда доносилась музыка по вечерам, и выезжали запряжённые лошадьми кареты...

Два раза стреляли на этом берегу. Кровь и огонь. Огонь и кровь в зареве, грохоте и гуле пожара. Ежиха мысленно видела и горящий, объятый пламенем дом, и взлетающий в небо флигель над черепичными крышами – оглушительный взрыв, обгоревшие тополя «бальсана»... И те далекие людские костры, и давние времена, когда не было здесь ничего кроме лесного озера с горящей над ним звездой, и бесконечно далекое время, когда не было самого озера, – а только звезда над бесконечным болотом, сияющая из бесконечной дали.

Предутренняя тишина вывела ежиху из воспоминаний. Луна, описав по дуге правую часть неба, оставила позади звезду над корявой сосной и завершила свой путь, исчезнув на горизонте – за шапками приозерных холмов, за спящей где-то деревней. Костер под ивой стал маленьким огоньком, остальные – потухли, лишь искрами вспыхивали тлеющие головешки.

Ежиха свернулась калачиком и покатилась с горы, сбивая с папоротника и дрока тяжёлую, основательно выпавшую за ночь росу. На лугу она остановилась, высунула голову и лапы и медленно поползла дальше. Она не спешила, промывала иголки росой, прочёсывала траву, отряхивая обильную ледяную влагу. Потом долго сидела на песке у воды и пила, околдованная чёрным зеркалом озера. Звезда над корявой сосной загорелась ярко, ослепляя холодным светом. Костер под ивой совсем догорал, лишь рассыпанные уголья мерцали россыпью красных звезд.

Быстро перебирая лапами, ежиха поползла назад к костру. Подъём не был крутым, но чтобы не плутать в траве, не съеденной у машин и палаток коровьим стадом, она нашла протоптанную людьми тропинку...

У костра ещё оставались трое. Решив не шуршать ветками с сухой с хвоей, что лежали здесь для растопки костра, ежиха дожидалась за кучей хвороста.

Наконец, приземистый человек в брезентовой плащ-палатке встал с соснового чурбака. Он зевнул, почесал лысину и поднёс к глазам свои новенькие электронные часы, блеснувшие в алых отблесках догоравших углей. В тот же миг другой – высокий худущий старик в теплом, грубо связанном свитере – тоже встал с раскладного стула, на который, для мягкости были положены четыре номера газеты «Правда». Он выключил свой нещадно трещащий приемник, который только что бережно держал на коленях, прижимая к нему по очереди то одно, то другое ухо, – взял «Океан» под мышку, а газеты со стулом прихватил в другую руку. Тогда некрепкого сложения человек с иронически вскинутым подбородком, в не застёгнутой на груди рубашке в клетку с короткими рукавами, и похожий чем-то на Штирлица из «Семнадцати мгновений весны», только, с виду поинтеллигентней да поумней, поднялся со своего шезлонга. Сверкнув очками, он пожелал всем спокойной ночи и привычно спустился к озеру с полиэтиленовым ведёрком. Когда он вернулся назад и залил зашипевшие в темноте угли, у костра уже не было никого, только ежиха, пофыркивая, выискивала отбросы да старенькая не выключенная «Спидола» шумела и потрескивала у бревна.

Человек выкатил на траву несгоревшие головни, облил ещё раз, оставил здесь же ведро. Потом он сложил шезлонг и, прихватив в свободную руку «Спидолу», вдруг поймавшую вражий голос, направился к своей палатке.

Пока человек устраивался на холодной раскладушке под ватным стёганным одеялом, женщина-диктор с «Голоса Америки» окончательно пропала в треске глушилок. Пришлось настраиваться на радиостанцию «Свобода».

У костра поблёскивала оставленная до утра невымытая посуда – сложенные горой эмалированные миски, матово белеющие тарелки из пластмассы и даже чьи-то новенькие, «общепитовские», – топорно-железные из подозрительной нержавеющей стали, с которых так плохо смывался жир. Ежиха обнюхала валявшиеся в траве шампуровые и поползла к углям. Они дымились, пропитанные бараньим жиром, накапавшим с шашлыков, и были ещё горячие. Она ткнулась носом в несгоревший масляный фильтр, чихнула, понюхала обглоданную рыбку голову, нашла в золе пропеченную картошку и выкатила лапой в траву, как делал только что человек. Откатив оставшуюся картошку, ежиха обогнула бревно, у которого раньше трещал приёмник, а теперь стояла только ржавая жестянка с бензином для растопки костра, и не спеша направилась к грязной посуде. Решив не трогать тарелки, чтобы не напугать, почуяла запах съестного и всё-таки загремела сковородками, в которых были оставлены для неё картошка и жареные грибы... И тогда Шурочка проснулась в своей палатке.

Ежиха почувствовала это и замерла. Прислушалась и быстро поползла от костра, убедившись, что не ошиблась. Она изо всех сил ткнулась носом в брезент, вновь отползла и, втянув голову, так врезалась боком в палатку, что та содрогнулась на своих шатких алюминиевых палках. А потом для верности – громко зафыркала и засопела – чтобы это разбуженное среди ночи человеческое дитя – раньше времени повзрослевшее и не похожее на других – узнало её и не беспокоилось: «Можно спать дальше! Это она! Всего лишь она – ежиха, нечаянно загремела сковородками... а не коты, не вороватые собаки из Шабанов!»

Глава 1. У озера

Ежиха загремела сковородками, и Шурочка проснулась в своей палатке: приподнялась на надувном матрасе и, высунув руку из уютного тепла спальника, вспомнила почему-то звонок в школе и кормушку с синицами за окном своего класса.

Она дёрнула за шнурок, и шторка над комариной сеткой приподнялась.

Яркая звезда светила над озером. Та самая, о которой обычно спорили: звезда или планета? «Планета!» – решили сегодня вечером у костра. – «Слишком яркая для звезды!..» – сказал профессор.

Нашупав фонарик в брезентовом кармашке под комариной сеткой, Шурочка расстегнула спальник и села на надувном матрасе. Острый холодный луч звезды ослепил её сквозь ресницы. Озерная звезда светила через комариновую сетку. Ну, конечно, звезда! Так низко висела она над озером – в том же самом месте: чуть вправо от большой сосны – и тонко тянула свой луч туда, где недавно горела ушедшая на запад луна, горела, как круглое окно в чёрном небе, изливавшее сияющий звёздный свет... Словно в это окно пролилось всё то, что виделось сейчас во сне и ещё стояло перед глазами! Чистые струи речки и камешки на мелком дне, яркое небо над соснами и жаворонок, промелькнувший в нем чёрной точкой... Шурочка сладко зевнула и поудобней улеглась в спальном мешке, вспоминая приснившееся.

* * *

Всадница на белой лошади остановилась перед мостом. Решив пропустить ехавшую навстречу телегу, пани Зося подставила лицо весеннему солнцу.

Солнце золотило струганное дерево у копыт. Мост был новенький, из сосновых бревен, не успевших ещё потемнеть от непогоды, под ними звонко шумела по камням быстрая речка. За речушкой раскинулся сосняк. Небо над соснами было таким светлым и голубым, какое бывает только в мае. А по другую сторону дороги, где далеко за лесом ещё ярче, чем лес, зеленели озимые, небо под солнцем было без единой тучки и казалось сплошным золотым сиянием, и там, над полем, то и дело мелькали чёрные точки жаворонков.

– Дзень добры, паненка!

– День добры! – приветливо прокричала в ответ пани Зося.

Навстречу загромыкала телега, запряжённая рыжей лошастью. В мешке на соломе повизгивал поросенок. Пани Ванда – сухонькая пожилая женщина в белой косынке поскорей стегнула лошадку, торопясь разминуться с первой из встречных телег, которая сейчас подъезжала к мосту позади всадницы.

Женщина взмахнула кнутом. И, зря... За спиной пани Зоси какой-то мужик с лихим криком тоже стегнул свою лошадь, и та понеслась по брёвнам навстречу Ванде.

Это был Фома... Ясней ясного – старается показать, что мост широкий и есть тут, где разминуться двум телегам. Он его строил. Не один, конечно... Какой-то никому неведомый чех из Молодечно нанял здешних мужичков, в том числе Фому, и мост был готов за одну неделю. Крепкий мост, хороший. А теперь, по заказу отца пришедший чех строит мост в Маньковичах у старой мельницы.

Фома за это на них в обиде. Сам подряжался взяться – поработал на чеха, научился уму-разуму, сказал: «Эх, панове, я, что ль не смогу построить?» Да только отец не согласился, доверился новому подрядчику.

– Дзень добры, пани! Дзень добры! Э-э-х! ...Па-ашшёлл!

Конь у Фомы был на загляденье: чёрный красавец – вороной рысак чистых кровей, где только Фома взял такого? Точь-в-точь, как у поручика Козловского, даже белая звёздочка посреди лба. Серж признался, что купил Огонька прошлым летом недорого у цыган. А Фома, как увидел жеребца, – не прогнать с конюшни, так и жил целую неделю, пока гости не разъехались по домам. То глядит, глаз не сводит, то конюху помогает, и раз упросил Сержа отпустить Огонька с ним в ночное. А потом сам купил где-то такого же рысака, уж невесть за какие деньги и у кого. Наверняка, у тех же цыган. Цыгане могли украсть двух жеребят, а те оказались близнецы. Родятся ли близнецы у коней? Пани Зося не знала...

Она, задумавшись, провожала глазами худенькую фигурку Ванды, всё замашивавшуюся кнутом, и ответила на приветствие уже в спину Фоме, который, встав во весь рост, промчался, как чёрт, только драный чёрный треух разметался ветром, открыв одно ухо и едва не слетев с головы в речку... Да только Фома прихватил шапку рукой, успел схватить на лету... а девушка успела заметить... Невероятно! На соломе в телеге среди разного хлама – целых три кошика яиц – одно в одно, аккуратно переложенные свежим сеном.

Виданное ли дело? Фома вёз продавать три полные корзины яиц, а у него только одна курица. Прошлым летом ястребы всех несушек перетаскали. Да ещё подлые хорьки не оставили осенью ни одного цыплёнка. Уж как ей плакались его дочери. Откуда ж столько яиц? Копил их, что ли Фома всю зиму, держал семью впроголодь, а теперь, скряга такой, вёз на базар, чтобы всучить, протухшие, чьей-нибудь кухарке!?

Нет, Фома был для неё загадкой. Маленький и тщедушный... А люди его боялись: считали колдуном.

Пани Зося покачала головой. Потом оглянулась вслед громыхавшей уже позади встречной телеге.

Телега тряслась по бревнам налегке: Ванда ехала уже с базара, а навстречу тянулась вереница тяжело груженных мешками, крынками и всяческой поклажей возов, но первой на мост въехала обогнавшая всех карета.

Пани Зося пропустила и её. Солнце уплывало в маленькую тучку, погружая мост и дорогу в тень.

За мостом карета остановилась. Дверь стремительно распахнулась, и какой-то франт в модном сером сюртуке выскочил на дорогу. Он поднял руку и принялся радостно размахивать ею над головой, потом крикнул что-то и побежал к мосту:

– Пани Зося! Господи, это вы!

«Надо же! Все меня узнают... Что за день!» – не успела подумать всадница, как солнце вдруг осветило золотистые волосы спешащего навстречу человека, и она, наконец, его узнала.

– Римас!

Римантас Декснис, бывший учитель Петеньки, бросился ей навстречу, и всадница на белой лошади поскакала по мосту.

* * *

Снаружи что-то звякнуло и загремело, и Шурочка, включив фонарик, окончательно проснулась. Она вздрогнула от нехорошей догадки – её разбудили резкие металлические звуки.

«Кошки! Неужели забыли рыбу?...»

Она выключила фонарь и положила назад в кармашек. Луна, ещё не ушедшая за холмы, светила ярко.

«Или снова пришли собаки и рыщут там по кастрюлям?» – ей представился ночной холод снаружи, где предстояло сейчас воевать с кошками.

«А, может быть, это ежиха гремит у костра посудой?»

Что-то стукнулось в брезентовый бок палатки – справа, со стороны костра... Аллюминиевый каркас вздрогнул, знакомое фырканье и сопенье послышалось под самым ухом, и Шурочка вспомнила, что рыбу она почистила и убрала в багажник, где все продукты, а единственная возможная добыча собак – кастрюля с бульоном из бараньих костей – стоит под рулем в машине.

Она сунула фонарик на место, положила голову на подушку и всё-таки стала припоминать: что ещё из съестного могли не убрать эти взрослые после вчерашней пьянки? Бабушка уехала в город с Климовичами – дня на два, собрать урожай на даче, и приходилось заботиться ей. Все оставшиеся мужчины устроили по случаю совместный ужин, как в прежние времена – с ухой, раками и шашлыками. И всё было опять, как раньше, когда ещё был жив Граф и его оранжевая палатка стояла в осинках, на пустующей теперь площадке, за деревцем раскидистого боярышника. Это было ещё до Монголии, до буддистского монастыря, Шурочка ещё не училась в школе, но запомнила эти шумные вечера у костра с приезжавшими на старой «волге» ростовчанами, с кипевшей в котле ухой и шашлычным духом на всю округу... Теплые долгие вечера... и голос со старенькой знакомой кассеты. Он вырывался из старенького магнитофона, работавшего от чьего-нибудь аккумулятора на капоте чьей-нибудь машины. Голос этот, бравший за душу своей болью и правдой, хрипел, убеждал – и болью плыл над холмами, над озером и над лесом, и слышен был на другом берегу в деревне, когда Шурочка, забытая взрослыми в разгар пирушки, отправлялась за молоком, которое, как обычно, нужно было забрать у хозяйки. И казалось: голос этот звучит уже над всем миром и рождается где-то в чёрном небе: над «бальсаном» – над серебрящимися тополями, над палатками и погружёнными в сумерки Шабанами, где коровы уже разбрелись по дворам, где орёт недоенная Буренка Фани, ещё не вернувшейся домой с фермы, и пьяненький хозяйкин муж кричит на собак, волоча в сарай мешок с ворованным комбикормом, и слышно, как тарыхтит его брошенный под забором трактор, и будет тарыхтеть всю ночь...

Шурочка застегнула змейку на спальнике, устроилась поуютней и начала вспоминать всё привидевшееся сейчас во сне – что пролилось сквозь брезент палатки вместе с лунным светом. Она снова закрыла глаза...

* * *

...И лошадь, скакавшая через мост, остановилась. Пани Зося ослепительно улыбнулась, её волосы подхватило ветром – они загорелись на солнце, словно волна сияющей золотой пряжи.

– Да вы ли это, Римас?

– Зосите!

«Вот они нити судьбы! Богиня!» – подумал он. – «Ах, что за встреча!»

– Да вы ли и в самом деле... – воскликнула она, живо соскакивая на дорогу. – Проезжаете поворот в усадьбу и едете дальше, даже не заглянув к нам?! Что же вы не свернули?

– Да у меня там больной, Зосите... – последовал отчаянный кивок в сторону роскошной кареты – чуда заграничной техники, на рессорах, запряжённой тремя лошадьми. – Сперва к доктору! – совсем растерялся светловолосый молодой человек в дорогой серой паре, бывшей в моде в столицах в нынешнем сезоне. Весь он был, однако, несколько помятый – совсем не в форме и как будто не выпавшийся, что, впрочем, вполне простительно в дороге.

– И каким франтом! – оглядела его пани Зося. – А карета! Вы, верно, разбогатели, Римас?!

– Да бросьте, Зосите! И карета, право же, не моя!

– Но не заехать!..

– Да если бы не больной! И потом, как-то, знаете... Я всю дорогу думал... Я ведь видел вашего папеньку с Петей...

– В Москве?

– А с ними... – смешался молодой человек, но девушка не дала ему договорить.

– И как они?!

– Всё в порядке.

– Да здоровы ли?

Молодой человек кивнул:

– Но зачем было ехать туда с Петей? – в голосе его было отчаянье.

– Вы же знаете! Петеньку надо определять в университет.

– Помилуйте! Отчего ж в Москве? Вашего брата надо учить у нас! В Вильне!

– Ах, Римас! Мы совсем... совсем бедные. Можно сказать – нищие! Папа залез в долги.

Хорошо, Михаил Федотыч помогает...

– Я всегда говорил: Редько вас обкрадывает. Он – вор!

– Но что теперь делать, Римас? Не может же папенька его прогнать!.. Отец Потапа так верно служил деду. А у Редько – семья.

– Но зачем же, зачем в Москве!?! – страдал молодой человек. – Послать... туда!.. Петю! Лошадь наклонилась к обочине, опустив голову в траву, и хозяйка отпустила уздечку.

– Нам не на что его учить в Вильне. А у папы в Москве сестра, вы же знаете. Генеральша.

Теперь вдова, богатая. У неё нет детей... Она возьмёт на себя все Петенькины расходы...

– Да, она теперь, слава богу, вдова! Вот и перебралась бы назад в Вильню или в Варшаву!

– Не так просто теперь... в конце жизни...

– Вот, Зосите, так всегда! Они забирают всё! Наш язык! Наши красавиц. Наши земли!

И теперь Петя будет слуга царю!

– Римас... А сами-то что вы делали в Москве? – лукаво улыбнулась девушка.

– Как всегда! – он горько усмехнулся и развёл руками. – Надеялся продать свои картины.

Увы! Не разбогател... Разве что! – он отряхнул сюртук и презрительно оглядел себя, – Да и... с голоду б, верно, помер, если б не... благодетели! Знаете, кто приютил меня? Мотюша!

– Ваш Марк? Теперь он помогает вам?

– Я жил у него...

– Да неужели?

– Семья перебралась в Москву.

– Ну и ну!

– Да, Зосите! Теперь их дела поправились. Вся родня сложилась и купила отцу Марка... купца первой гильдии.

– Сертификат?

– Да. Теперь он – коммивояжёром в фирме «Мюр и Мюрелиз»... Прекрасная большая квартира в Гнездиновском, и Марк сейчас учится музыке в консерватории.

– Да это же рядом с Петей! Будет ему хоть одна родная душа в Москве! Как я рада за Марка!

– Чего это стоило, Зосите! И чего ещё будет стоить...

– А кто же ваш второй благодетель? Вы сказали во множественном числе...

Молодые люди посмотрели в сторону кареты.

– Не угадали бы никогда! Индийская знаменитость.

– Какой-нибудь раджа!? Или магараджа? Судя по карете и лошадям...

– Выше берите!

– Так кто же тогда!?

– Знаменитый Вишидананда!

– Кто-кто?

– Да разве вы не слышали? Ах, Зосите! Это же Учитель! Мудрец. Нынешний гвоздь сезона. Звезда салонов и кумир светских дам...

Девушка покачала головой.

– Не слышали... – вздохнул художник. – Так скоро познакомитесь, надеюсь! – И в его речи послышались какие-то особенные чуть ревнивые интонации, показавшиеся пани Зосе весьма неуместными в эту минуту.

– Он знает язык?

– Великолепно. Это разносторонний талант...

– Так что же мы болтаем, Римас? Вы сказали – его нужно к доктору.

Её собеседник помрачнел.

– Да. – Он кивнул вдаль, где далеко в конце дороги за лесом, виднелись потемневшие купола православной церкви. – Больница действует? Не закрыли?

Пани Зося кивнула.

– И есть врач?

– Наш старый доктор. Хотя, говорят, в монастыре появился какой-то святой старец и лечит...

– Вы же не верите ни в каких целителей!

– Про него говорят удивительные вещи. Он будто бы из дворян и учился медицине. А теперь схимник. Народ валит к нему толпой.

– Я вас не узнаю...

– Видите?

Пани Зося обернулась, показывая рукой на другую сторону дороги, где навстречу к мосту приближалась вереница нищих.

– Верит тёмный народ. Но вы...

– Я сама себя не узнаю. Серж мне рассказал то, чему сам был свидетель. Будто бы у солдата из их полка в здешней больнице отняли руку после несчастного случая. Из-за начавшегося «антонова огня». Это факт. И тот монах отрастил ему руку.

– Но это же чепуха!

– Серж видел этого солдата с «новой» рукой. Кожа нежная. Без морщинок и без мозолей, как у младенца. Правда, солдат куда-то сразу же пропал, побоялся бедняга, что снова возьмут в солдаты, и сбежал.

– И вы верите?

– Я верю Сержу. Но почему бы и нет? Это вовсе не мистика. Выращивали же алхимики гомункулусов в своих колбах! Или могли выращивать! Не смейтесь! Я сейчас много читаю, приходится преподавать в нашей школе, мы не можем содержать много учителей... Только для химии и агрономической науки выписали приват-доцента из Варшавы... Так вот, есть новое веяние – гидропоника. Это когда растение выращивают не в почве, а в специальном питательном растворе. Пока выращивают из зерна, но пишут, что в будущем будут выращивать из клетки! Чем вам не гомункулус в пробирке?

– Так этот ваш... схимник или монах – современный алхимик?

– Говорят, он окончил Оксфордский университет!

– И ходит в рясе? – Молодой человек покосился на купола. – Православие не поощряет науку.

– Я знаю... Везите, конечно, в больницу. А можно... на него взглянуть? Он спит?

Молодой человек с улыбкой на неё посмотрел – он был выше девушки и глядел на неё задумчивым странным взглядом:

– Зосите, мы приедем... Если позволите. Нам ведь негде переночевать.

– А можете и остаться! Ведь через месяц... Помните?...

Из кареты раздался резкий сухой кашель. Одна из лошадей заржала.

Молодые люди бросились к карете. Римантас быстро остановил лошадь, потом распахнул дверцу, и девушка удивлённо застыла у него за спиной. Она ожидала увидеть спящего седого старика в какой-нибудь экзотической одежде вроде сари.

Но это был не старик. На сидении в полутьме кареты, прислонясь к стенке, полулежал молодой атлет. Глаза были закрыты, в длинных чёрных ресницах было что-то юношеское, почти детское. Возможно, он был даже моложе пани Зоси, и только выющиеся, до плеч, волосы цвета воронова крыла да смуглая кожа выдавали индуса. Он был одет по-европейски в тёмный сюртук и белую рубашку с плотным отложным воротничком, и, видимо, испытывая то жар, то озноб, тяжело дышал и раскрывался, укрытый пледом и несколькими одеялами.

Пани Зося спустила с груди одеяла. Больной переменял позу и стал дышать спокойно.

– Любимый ученик Рамакришны... – так же, чуть-чуть ревниво проговорил Римас.

Молодой полубог спал. Его черты завораживали, но на точёном, чуть измождённом лице проступала лёгкая тень страдания. Чистый лоб покрывали обильные капли пота. «Красота лишает человеческое лицо черт какой-либо национальности, – подумала пани Зося. – Красота – всеобща, это вселенский дар...»

– У него сахарная болезнь... – поспешно сказал спутник. – Да к тому же лёгкая простуда... Столичные доктора считают, что недуг обострился из-за нашей пищи. Когда ешь только рис и корни растений, можешь и вовсе не знать, что опасно болен...

– К тому же солнце... – кивнула пани Зося. – Я читала, что в жарких странах можно меньше есть... Я сама могу есть летом только ягоды и молоко...

– Да... – почему-то вздохнул молодой человек. – В его годы – и уже пророк. Свами! Великий учитель... А богат, как не знаю кто, сам из очень влиятельной семьи. Тайно сбежал от всех – учеников и родственников, захотел увидеть Европу. Прочитает лекцию в Вильне, а потом – в Париж и в Америку.

– В Америку?! – удивилась пани Зося. – Почему же? Я думала, он решил изучить нас...

– Что нас изучать? Мы – прошлое, Зосите!.. Прошлого человечества. А будущее его – Америка. Это факт!

– И у нас есть будущее.

– Да какое? И у кого, скажите мне, это будущее здесь есть? Всё – в прошлом... Наш Статут...

– Статут Великого Княжества Литовского?

– ...Положили в основу американской Конституции! Наш Костюшка помог Америке обрести свободу, потому что её народ этого желал! Желал страстно. А у нас? Зосите! Нам, у себя, он не смог помочь... Наш народ убили, лишили силы сопротивляться. Он умер ещё тогда, при Иване Грозном, когда тысячи евреев и поляков в Полоцке пустили под лёд, а шляхту и простой люд угнали в Сибирь... Два миллиона! И в семнадцатом веке, при «тишайшем» Алексее Михайловиче – он позверствовал не меньше Грозного! При Богдане Хмельницком и позже, при Екатерине, когда разграбили наш последний Иезуитский университет. Книги увозили в Москву, туда же – наш язык!.. Наших ремесленников и мастеров, а шляхту и трудолюбивых крестьян снова гнали в Сибирь... Опять два миллиона! Вон когда её, матушку, стали заселять нашим людом... Вот когда его здесь... уничтожили навсегда! «Добро и зло приемлет равнодушно...» – это про него, про наш народ. Он от всего устал... Он уже не способен ни с чем бороться. Ему всё равно...

Пани Зося не отвечала, но, чувствовалось, была не согласна.

– Да, Зосите! Мы – всего лишь колония! Колония Российской империи и будем ею всегда!

– Серж бы с вами не согласился. Он считает, это всё равно...

– Что?

– Чья власть. Важно, что ты сам сделаешь в своём поместье. Помните – наш Бжастовский?

– Да... Освободил крестьян, заменил паншину налогом! Провозгласил республику и президентскую власть. Все граждане его республики объявлялись равными и бесплатно наделялись землёй. А ведь это были его бывшие вассалы, жившие на принадлежавшей ему земле!.. Он отдал им эту землю. Создал новое государство! Как принято при демократии, всё решалось большинством голосов!

– Знаю, Римас...

– В демократической республике была бесплатная медицина и бесплатное образование – школы, больницы, президент печатал деньги и имел войско для охраны границ!

– И всё это было в пределах его собственного поместья!

– Да, Зосите, во время Великого Княжества Литовского такое было возможно, Великий сойм утвердил Конституцию нового государства, оно просуществовало почти полвека в его пределах, пережив и наполеоновскую войну. Но чем всё кончилось? Россия сделала нас колонией. По указанию Петербурга крамольную республику ликвидировали и свободных граждан перевели в крепостных! Иван Грозный знал, что делал ещё тогда, насаждая свою православную веру. Ведь калёным железом же насаждал её у нас! – Римантас сжал кулак и с горечью покачал головой. – А мы ещё хотели мира! Наши князья и польские короли сами строили православные церкви... Зачем? Православие – религия рабов. Она учит не спорить с богом и не спорить с царём! Потому ни Костюшко, ни Калиновский...

– Да, не смогли победить. Да, Римас... Но их восстания принесли больше вреда, чем пользы! Сколько жертв! Скольких потом повесил Суворов, уже подавив Костюшку. А Калиновский! Все лучшие наши люди помогали ему, а потом их мучили и убивали на допросах, отбирали поместья, не отдавали даже наследникам.

– Земли переходили в казну, раздавались русским князьям.

– Правда... были и среди тех... Да хоть Потёмкин! Налаженное хозяйство, школы, больницы, хорошие дома для крестьян...

– Он один, Зосите! Один из всех русских помещиков! Да и к тому же – посмотрелся здесь у нас...

– А что у нас, Римас? Что было в Залесье, пока за него не взялся автор полонеза?

– Да, разруха. Но что было у другого дяди этого проходимца – в поместьях Михала Казимира? Вот где было налаженное хозяйство! Вот где школы...

– И даже для музыкантов! Свой оркестр. И театр... Я согласна.

– Один построенный им канал чего стоит!

– Он тоже жил при Екатерине. Важна личность.

– Теперь вы попали в точку! Но личность губится православием. А его нам навязывает Россия. Все, кто были личностями в этой стране, стали ими вопреки ему. «Вопреки», Зосите, понимаете! И прокляты были попами гласно или негласно, как Лев Толстой! Наше католичество, я уж молчу про протестантизм, – полезней для человека. Оно призывает творить, трудиться, превзойти себя – и этим радовать бога, а не поклоны бить. В католичестве мы – «дети божьи». В православии все – его «рабы». Есть разница? Православие не призывает творить, это у него – бесовство! Только бы рабски подчиняться и не грешить! Но и этого не получается, если человек сам себе не хозяин. Да вы не представляете, какая дикость в русских деревнях, какие тёмные, дикие мужики, хуже наших. А Империя навязывает нам православие, и будет навязывать, пока мы её колония.

Пани Зося смотрела через плечо на толпу нищих.

– Уж не знаю, что лучше. Римас...

Люди шли с палками, в грязных лохмотьях. Они шли по дороге гуськом – старики, дети... Согбённые, какие-то пришибленные, семенящие женщины с крестами, в платках...

– Всё едино...

– А вы посмотрите, Зосите, чей результат лучше, к чему привело православие Россию, – и к чему пришла католическая Европа! И, простите, опять умолчу про иудеев и протестантов! Цель религии, её призвание – указывать человеку путь. И куда пришли те и другие? Тысяча лет православия была у России, и что оно ей дало? Всё, что в ней прогрессивного – рождено католической цивилизацией и перенималось с немалым трудом, через сопротивление церкви.

– А перенято, благодаря староверам, кстати! Так Михаил Федотыч говорит.

– Правильно! Он сам – старовер! А староверчество – русский протестантизм! Всё купечество, вся экономика Империи – благодаря презируемым «немцам да евреям» да ещё этому лучу в тёмном царстве! Опять же – официозному православию вопреки, Зосите! А Империя будет его навязывать и навязывать нам... Всегда! Так и будем плестись у всех европейских народов в хвосте... Последняя наша надежда была на Наполеона! И на нём кончилась, он подвёл нас и обманул!

– Да! Ведь пообещал не идти дальше Смоленска! Мой дед помнил, он долго прожил. Рассказывал мне в детстве, с каким восторгом встречали Наполеона в Вильне!

– И бог его, супостата, наказал! Зачем ему понадобилась Россия!? Дьявол дёрнул его туда идти! Остановился бы здесь, спас нас от поганой Москвы, и была бы у нас, наконец, Европа, как и должно быть по высшей исторической справедливости. Как было прежде, тысячу лет назад! Россия бы не посмела отвоевать нас у Наполеона! Да за что нам такая неудалая судьба? Вечные войны...

Пани Зося согласно закивала головой:

– Дед нам рассказывал... И отец часто повторял его слова...

Вдруг оба замерли, услышав отдалённый женский визг.

Пани Зося схватила Римаса за руку, прислушиваясь. Откуда-то с другой стороны дороги раздавался и нарастал истошный вопль. Вопль был женский, полный ужаса и страха.

– А-а-а-а!.. Анэль-ка ма-я-я! А-анэ-э-э-лька-а!.. – дико заголосила женщина.

К ней присоединялись всё новые женские вопли.

– Что-то случилось! – вырвалось у пани Зоси.

Римантас торопливо захлопнул дверцу, и они бросились за угол кареты, которая загораживала сейчас вид на происшедшее.

Но и с дороги они толком ничего не рассмотрели, только толпу у телеги с лошадьё, которая стояла в отдалении, в глубине лесочка под высокой раскидистой сосной.

Люди, остановившие лошадей у ручья и на полянках ближе к дороге, чтобы отдохнуть после базара, тоже бросали еду, разложенную на скатертях, поднимались с травы и спешили к небольшой толпе.

Пани Зося вскочила на лошадь, Римантас бросился по брусчатке следом. На другой стороне дороги у обочины, напротив их кареты, стояла, между прочим, точно такая же, а может быть, и получше. На таких же рессорах и тоже запряжённая лихой тройкой. Окошко было задёрнуто занавесочкой, кучера было не видеть.

Песчаный съезд вёл в молодой лесок, где среди сосновых полянок и стоящих тут и там распряжённых телег петляли две хорошо заметные колеи. Лошади паслись на траве – тут же, где на полотенцах были разложены крашеные яйца, хлеб с нарезанными ломтями окорока и сала. Чей-то белый худющий конь жадно жевал, схватив со скатерти кусок хлеба. Всё было наскоро брошено, а хозяйки голосили там, у стоявшей в отдалении телеги.

Пани Зося соскочила на землю, но за спинами плотно стоявших людей ничего не смогла увидеть. Она почувствовала какой-то запах, приторный и тошнотворно-сладковатый, и вдруг вспомнила, как случайно оказалась на подворье Фомы, когда забивали кабана... Вдруг увидела ручеек крови у носка своей туфельки. Её затошнило.

Все женщины стояли, почему-то отвернувшись от телеги, кто голосил, кто закрывал заплаканные лица платками. Оцепеневшие одетые по-праздничному мужчины застыли в молчании, сняв с себя картузы.

– Что случилось? – закричал Римантас, пытаясь пройти к телеге.

Когда люди посторонились, пани Зося потеряла дар речи, ещё не вполне осознав, что же она видит, там – на соломе. Сперва – только юбку... Она заметила только юбку и ноги девочки, и какое-то кровавое месиво вместо груди и выше, из-под которого в соломе выглядывала коса.

Наклонясь, пани Зося ахнула. Это были рёбра – на месте лица и шеи, и она не сразу сообразила, что каким-то чудовищным образом взрезали всю грудную клетку, от шеи до живота и, как крышку коробки, откинули вверх на голову девочки...

– Зося, вам лучше уйти... – Римас взял её за руку, но девушка покачала головой.

С ужасом всматривалась пани Зося в это страшное зрелище... И она, преподававшая основы анатомии ученикам сельскохозяйственной школы, никак не могла сообразить, чего же тут не хватает... и, наконец, с ещё большим ужасом поняла, что между лёгкими, где угадывались зиявшие обрезанные сосуды... не было сердца... Всё в телеге и под ней – солома, пожитки и белый мох-ягель на земле под колёсами – алело от свежей крови.

– Матка Боска! – заголосила опять застывшая у телеги женщина. – На хвилиночку отошла за водой да ручья... И вот!

– А вон он, панове! Вон! – закричал замухрышка-мужичок в заношенном пиджачке из «чёртовой кожи», указывая пальцем вдаль, и все головы повернулись туда, где текла в низинке речка, или ручеёк.

Там в камышах склонилась к воде какая-то чёрная фигура.

– Забойца!!! Убийец – он! Вот!..

Люди не могли сойти с места и даже не пытались что-то предпринять. То ли от ужаса, то ли от пережитого шока они только молча смотрели на незнакомого, что-то делавшего там, в ручье, человека. Тот был похож на монашка и стоял, наклонившись над водой. Но пани Зося, не растерялась – мигом вскочив на лошадь, она помчалась к чёрной фигуре. Та заметалась, оглядываясь, и, наконец, незнакомец побежал, бросившись прямо вброд через ручей.

По дороге загрохотала по булыжникам карета. В тишине только пение жаворонков и мерный стук копыт сопровождали странную погоню. Римантас едва поспевал за лошадью.

Когда карета переехала мост, человек в чёрном уже перебежал ручей и, прижимая что-то к груди, как заяц, петлял между редкими соснами, направляясь через большую поляну к темневшему вдалеке лесу.

А пани Зося вдруг замерла, доскакав до ручья, словно совсем забыв о погоне.

– Римас, смотрите! Там!..

Он увидел алое облако в воде, а когда течением отнесло последние волны крови, только ахнул. Потом без сил прислонился к лошади, крепко сжав горячую руку девушки.

Там, в воде, на самом глубоком месте, прибившись у двух камней и потому не тронутое течением, ещё билось человеческое сердце. Оно пропускало через себя воду и пульсировало, но делало это всё слабей и слабей, наконец, остановилось.

– Римас! Как это может быть? Господи! Это колдовство...

– Смотрите! Зося! – молодой человек показывал на карету, которая было остановилась сразу же за мостом, а потом, вдруг набрав скорость, опередила чёрного человека. Из кареты выскочил на ходу тоже кто-то странно одетый, то ли в серой монашеской рясе, то ли в лохмотьях нищего. Он был с седой бородой и с посохом, но бежал быстро, почти как юноша.

Беглец и преследователь выбежали на поляну, и серый почти догнал чёрного, но тот уже добежал до молодого сосняка, а потом неожиданно нырнул в заросли. Преследователь как-то странно вдруг раскрутил свою палку и метнул её далеко вперед над верхушками молодых сосен, а потом тоже скрылся в них следом за беглецом.

Послышался сдавленный крик, затем всё стихло, но никто из леса не появлялся.

Молодые люди стояли у воды, держась за руки и глядя на другой берег. В небе пели жаворонки. Позади слышался приглушённый плач женщин. Бедная мать, как безумная, опять звала свою Анэльку... Кто-то из стариков сказал: «Ах, панове! Трымайце яе! Не пущайте!» «Езжай за соцким! Худчей!» «И доктора!» – слышались другие голоса. «Чаго уж!...» – вторил им кто-то и говорил: «Н-ну!...»

Заржала лошадь. Послышалось, как грохочет тронувшаяся с места телега.

– Даруй, пан наш Бог, злачынце!.. – тихо запричитал чей-то звонкий – старушечий голос. – Калека была... Матери только в тягость...

Карета всё так и стояла за мостом. И вдруг Римантас заметил вдали над лесом взмывшую в небо искру. Золотая точка делалась ярче и разгоралась, увлекая из-за верхушек сосен какой-то куль или вроде как чёрный перевёрнутый вверх ногами парашют.

Парашютик болтался, словно лёгкий шёлковый лоскуток или пойманная на крючок рыбка, делаясь всё меньше и медленно уносясь ввысь, а искра видна была хорошо, пока вместе с тёмным крохотным треугольником окончательно не скрылась в облаках.

Глава 2. Происшествие «за бугром»

– Стащили! Стащили, бездельники!.. Воры длинноволосые! – это было первое, что услышала Шурочка, когда проснулась.

– Украли, сволочи! – раздалось совсем громко, и после этого лишь смутные, едва различимые голоса стали доноситься из-за бугра.

Бугор, или, как его называли, «гора», а точнее, насыпь явно искусственного происхождения, оставшаяся с войны четырнадцатого года и протянувшаяся через всю поляну – от дота у верхней дороги и вниз, до самой кромки озера, разделяла собой два лагеря. Она укромно отделяла «неприятельский лагерь» – расставленную в соснах палатку заядлого рыбака Олега Николаевича Живулькина – от большой поляны: лагеря Василия Исаича и профессора. «Гора» глушила все звуки, и поэтому мирно просыпавшимся обитателям профессорского лагеря на поляне ну никак было не понять, что случилось там, «за бугром», кричи Олег Николаич хоть на весь лес.

Была еще ранняя рань, солнце ещё не вышло из-за «бальсана», от озера в тени старых ив так и веяло холодком. На траве, однако ж, у самой воды уже валялось жёлтое полотенце профессора, и его поджарая фигура в плавках уже маячила на берегу. Не дрогнув ни единым мускулом, в скованной ледяным холодом позе, – стоически, как на ходулях, входил Сан Саныч в остывшее с ночи озеро, чтобы совершить своё ежеутреннее омовение, когда ветер вдруг донёс голоса из-за бугра.

Сан Саныч повернул голову туда, где разыгрывалась бурная сцена в столь ранний час, и Шурочка, выглянув из палатки, увидела его удивленный профиль со смешно оттопыренным подбородком.

– Украли, сволочи! – услышал Сан Саныч во второй раз. – А чтоб вас всех, негодяи!

С берега открывался одинаково хороший вид на оба лагеря. И на лагерь отдыхающих на поляне прямо перед Сан Санычем, где, как правило, из года в год возле стареньких «москвичей» да обшарпанных «жигулят» стояли одинаковые скособооченные палатки из брезента советского производства, в основном бутылочных, грязно-бурых оттенков. С озера открывался такой же хороший вид и на сосенки справа за бугром, где сейчас сверкал на солнце новенький васильковый «жигуль» последней модели рядом с импортной цветистой палаткой, которая торчала, точно волдырь православного храма подле нищих халуп, или ещё точнее – как роскошный шатёр некоего иноземного завоевателя.

Профессор сделал шаг назад, с явным, кажется, облегчением покинув ледяную купель, наклонился к полотенцу за очками, водрузил их на нос и снова повернул голову к неприятельскому лагерю.

За бугром на лужайке у роскошной тёмно-синей палатки с жёлтым предбанником – шестиместной, польской, купленной по случаю уже в начале сезона через знакомую продавщицу Машеньку – стоял в одних плавках и шлёпанцах на босу ногу убитый горем Олег Николаич. Стоял он в той позе, когда вот-вот начнут рвать на себе волосы и одежду, взывая к высшим силам, и выглядело это скорее комичным, ибо рвать на себе было, собственно, нечего. Да и волос на лысеющем черепе Олега Николаича оставалось совсем немного. И звать было не к кому.

Только минутой позже в палатке почувствовалось движение, и из предбанника показался ещё не вполне проснувшийся сын Олега Николаевича студент Вадик, решивший, как видно, выяснить, что стряслось.

– Стащили-таки, негодяи! С-с-сукины дети! – обрушился на него отец.

– Что украли-то? – зевнул Вадик, ещё не разлепив век, хотя стоял уже, откидывая полог палатки и шурясь от яркого солнца.

– Э-эх... – махнул на него рукой Олег Николаевич. – Знал ведь, что украдут!

– Раз знал, надо было убрать, – резонно заметил Вадик и, смекнув, однако, уже, в чем дело, кисло глянул на примятую траву за палаткой, где стояла привязанная к стволу сосны надувная лодка. На траве между палаткой и бортом лодки действительно было пусто.

– А ты-то куда смотрел? – вдруг опомнился и сам Олег Николаевич, до которого внезапно дошло, что сын его с невестой Леночкой ещё засветло покинули вчера ужинавшую у профессорского костра весёлую компанию и весь оставшийся вечер провели в палатке, даже не услышав воров.

– А что я тебе, сторожить их должен? – ответил Вадик и флегматично взглянул на собственную физиономию в зеркале, подвешенном на сучок сосны. Круглое зеркальце для бритья отражало курносый нос, сонные глазки и зевающий добродушный рот. Физиономия, надо сказать, изрядно припухла после вчерашних пересолённых шашлыков и пива с раками.

«И в кого он такой уродился? – вспыхнул внутренне Олег Николаевич, бывший лётчик-истребитель, а теперь, хоть и полковник на пенсии, – лаборант в академии наук, мастер на все руки и незаменимый человек. – В кого, спрашивается? Ну, в кого?...»

При взгляде на Вадика нельзя было сказать, что и не в отца. Вся приземистая фигура сына, и оттопыренные, как-то странно торчащие уши, и вечно удивленное лицо с широко раскрытыми глазами навывкате, и сами эти карие влюбчивые глаза – были точь-в-точь отцовские! Но характер!.. «Уж эти женщины!» – в сердцах припомнил рассерженный Олег Николаич свою супругу, в которой, может быть, и кстати была некоторая флегматичность... Но в сыне!.. Он с досадою пнул ногой туго надутый резиновый бок лодки с той стороны, где лежали снасти, и вдруг замер в ужасе, увидев её пустое дно. Но не вскрикнул, а, осенённый еще одной нехорошей догадкой, помчался к озеру, обшаривая затравленным взглядом опустевшую – не зря ёкнуло сердце – совсем опустевшую, без единого «кружка», гладь воды. Он даже не услышал, как сзади него в палатке раздался гвалт и лямонг и сквозь крики жены «Носочек надень, Васенька! Погоди! А сапожки!?» прорвалось безумное «Ж-жы-жы-жы! Я истребитель!», и карапуз в черной цигейковой шубе, теряя на бегу единственный носок, пулей обогнал отца, споткнулся, шлёпнулся на траву и, перевернувшись через себя, как какой-то чёрный колобок, покатился к озеру.

Это был младший сынок Олега Николаича, трёхлетний Вася. Природа с рождения наградила его странным модным недугом под названием СПП, или, как объясняла всем жена Живулькина, сама участковый врач-педиатр, – синдромом патологической подвижности, видимо в виде компенсации за флегму старшего сына. Жена разрешала ребенку гулять в шубе и делала четыре раза в день уколы пенициллина, но лечила так не синдром патологической активности, с этим она поделаться что-либо была бессильна. Отважная Марья Кирилловна пыталась одолеть в полевых условиях двустороннюю пневмонию, которую мальчик подхватил в детском саду перед самым отъездом. Это был страшный удар для Живулькина, страстного любителя-рыболова. Ведь начался долгожданный отпуск! Потому, не желая пропустить ни дня вожделенной свободы, он сказал жене: «Ты – врач, Маша. Это твоя профессия. Будешь лечить Васеньку в палатке. Какая разница – где? А станет хуже – свезем в Мядельскую больницу, к твоей институтской подруге Верке...». И в первый же день отпуска вывез из города всех, кого не мог оставить без строгой отцовской опеки: сына Вадика с невестой Леночкой и жену с больным воспалением легких трехлетним сыном Васюткой.

Правду сказать, собирался Олег Николаич вовсе не сюда, а на Чудское озеро, где была настоящая рыбалка, но из-за болезни сына пришлось по случаю навестить начальство и застрять на озере Воронец, где рыбалки не было никакой, зато Мядель под боком.

Душе заядлого рыбака ну никак было не понять, что делает тут эта, как сказал бы простой народ, «сраная», простите, интеллигенция. Но Олег Николаич никогда вот этак, даже в душе или по злобе, Сан Саныча не называл. Уважал, даже очень, потому как не только тот

занимался наукой, но ещё и лекции студентам читал, а, главное, – человек был хороший, редкостный человек и золотая голова. Ну, а что господь наградил этакой женой и детками, так и сам Олег Николаич был точно в таком же положении... Потому и застрял на этом гребаном озере – Маша его в первый раз, считай, проявила характер: пока Васеньке рентген не повторим, никуда отсюда не двинемся, и точка. Или вернусь, говорит, домой с ребенком. А ты едь на свое Чудское... И уехала бы вчера с Климовичами, дура набитая. Пришлось остаться.

И вот что вышло! У-у-у! – потряс Олег Николаич волосатой, воздетой к небу рукой, грозя подлому богу, в которого, признаться, он никогда не верил! – У-у-у! Третий день пошел! Три дня, как прикурки, просидели у пустого корыта. Ни одной стоящей поклевки. Только мелочь. И раков нет – вся трава повымерзла, есть нечего... Только палимся друг на друга из-за горы! И что здесь, однако, делали эти хреновы академики, все равно ему было не понять. Ну, купаются, загорают, ядрена мать... их душу. Ездят в лес на машинах за ягодами и грибами, ходить им лень! Жарят по вечерам шашлыки, для чего отовариваются по воскресеньям тощей бараниной на Поставском базаре, а за всеми остальными продуктами отправляются в ближайший литовский городок на границе или в Вильнюс катят, если не лениво. По старой брусчатке напрямик – оно и недалеко, вдвое ближе, чем до Минска. Там и хлеб, и всякие молочные продукты с сырами, да разные литовские сладости закупают на всю компанию. Знал бы, что хлеб в Шабанах только местным по спискам продают, привез бы им хлеба... Так ведь не знал!

И опять упрекнул себя Олег Николаич, что поехал сюда по совету Маши, что не проявил характер и не рванул сразу же на Чудское... Подумал так – и чуть не грохнулся носом вниз, заскользив на мокрой траве, почти совсем спустившись к берегу.

– Сапожки надень, Васюточка, роса холодная! – запоздало донёсся за спиной голос жены, которая спешила к берегу с резиновыми сапожками в руках.

Васюточка уже шлёпал по воде голыми ногами.

– Шубу вымочишь! – в ужасе закричала Маша. – Смотри, в воду не упади!

Довольный умной подсказкой, мальчик тут же шлёпнулся в воду и поплыл, а точнее, принялся изо всех сил лупить руками по воде, обдавая брызгами растерявшегося профессора.

Но Марья Кирилловна не растерялась.

– Вадик, Вадик! – бросилась она к палатке. – Скорей разжигай костер!

– Опять шубу сушить? – флегматично отозвался старший сын. – Сейчас...

Отважный маленький купальщик затих и опасно удалялся от берега. Медленно намокавшая шуба еще держала его на воде, но долго ли так продержит, сказать было трудно. Но вовсе не это зрелище заботило прибежавшего, наконец, на берег Олега Николаича. Словно не видя своего удаляющегося сына, взглядом зомби, как гипнотизированный, оглядывал Живулькин опустевшую... совсем опустевшую гладь воды... Нет, сердце ёкало совсем не зря.

– Бездельники! И «кружки» сняли! – огласил он берег безумным криком и с тоской остановил взгляд на единственном, как бы в насмешку оставленном похитителями поплавке, что колебался у самого берега на волнах, поднятых выходявшем из воды профессором. Тот держал отважного маленького купальщика на руках. С шубы ручьём текла вода.

– Что украли? – встревожено спросил Сан Саныч, передавая ребенка убитому горем отцу. – Семь лет здесь стоим, представьте – семь лет! И ничего еще не пропало.

– Маша! Бери сына! – взревел Олег Николаич, опуская мальчика на землю. – Удочки мои немецкие, два якоря и все снасти... «Кружки» – и те снимали.

Васютка вдруг открыл рот и залился горьким плачем – то ли от холода, то ли от того, что вынули из воды, а может быть, из сочувствия обворованному отцу. Маша подхватила на руки сына.

– Удочки мои немецкие! – горестно повторил Олег Николаевич. – За семьдесят покупал...

– Ах, удочки!? – заметно обрадовался Сан Саныч и даже облегченно вздохнул. Страхнул с себя воду и поднял с травы свое желтое махровое полотенце. – Да вы их, верно, забыли где-нибудь? Поставили и забыли... – Он принялся с удовольствием растираться и бросил взгляд на свою палатку, на ореховый куст, куда сразу же сгружал удочки, как только приезжал. – Мои вон стоят, и никто их никогда не брал.

– Да ваши-то – лом! Ваши-то – барахло, дрова! Ваши-то кому нужны? – и Живулькин в сердцах отвернулся от не смыслившего ничего профессора. Интеллигенция! Что они понимают? И что за напасти такие мешали его планам? То Васька вдруг заболел, то воры обчистили. Дьявольщина какая-то!

– Бамбуковые мои, немецкие! Семьдесят рублей отдал! – взвыл он горестно и безнадежно. И взгляд его снова упал на белый пластмассовый поплавок, одиноко покачивавшийся на воде. – К дьяволу! Не прощу. Сейчас же в милицию еду! Хулиганье!..

– Что вы – в милицию?! – вдруг ужасно испугался профессор. – В милицию никак нельзя! Всех нас отсюда выгонят, «кирпичи» поставят. Дети, видно у вас украли. Дети! Зачем милиция?

– И вправду, пап, – скривился Вадик, лениво приблизившийся к отцу. – Из-за каких-то удочек... звать к нам сюда милиционеров! Дети это, конечно дети! Кто же ещё? Пасли здесь вчера коров... Бензина на-а-а-лей... – добавил, сладко зевнув, Вадик. – Бутылка куда-то запропастилась. Не найти-и-и...

Бутылка с бензином для растопки костра всегда лежала на траве за палаткой. Это знали все. На случай, если хозяин уйдет на рыбалку, а надо сушить шубу.

– Бутылка? За палаткой ищи!

– Да нет её там. Говорю тебе! Не нашёл!

– Бездельники! И бензин спёрли! – еще громче взревел Олег Николаич. – И бутылку прихватили заодно! Воры длинноволосые! Погрозил он кому-то невидимому кулаком. – Хулиганье! Как же, пасли, пасли!.. Один все в книжку глядит! Кудрявый. На ходу идет и читает... А второй – с кнутом. И, как девка, с длинными волосами, блондин патлатый, уселся здесь, возле моей палатки и на снасти смотрит. И на удочки – за палатку...

– Вот видите! – опять просиял профессор. – Ребята из Шабанов. Деревенские... Олег Николаич!..

– В багажнике возьми канистру! – крикнул тот жене. – И разожги сама! Пока этот допрется! – чертыхнулся он в спину удаляющемуся Вадик. – А коровы их только гадят! – продолжал Живулькин, обращаясь к профессору. – У машины и прямо на костер! Лепешки за ними собирай! Вчера после них ведро набрал резиновое, за дорогу снес. Паразиты ленивые!

– Да нет, они хорошие ребята... доверительно понизил голос профессор. – Вы Шурочке только скажите, они с ней дружат... Не знали просто, что с нами вы, наш. Думали: чужой, если за «горой» стоите. Так бы не тронули ничего...

– Ага! Чужого, значит, можно обворовать?

– Пошутили... Завтра же принесут и прощения у вас попросят.

«Как миленькие, попросят! И без вашей помощи... – возмущился почему-то вдруг Олег Николаевич. – Тоже мне, интеллигенция! Сраные соглашатели!» А вслух сказал:

– Завтра же принесут... эти ваши чёртовы пастухи! Как прижучит их всех милиция! И прощения еще попросят за то, что коров своих под палаткой пасут!

– Милиция нас всех отсюда попросит! Нас с вами! Не смотрите, что на съезде к озеру «кирпича» нет. Не поставили потому только, что дорога – через деревню... и что местные скот свой пасут. Да лесник хороший, не прогнал. Стихи пишет, прямо Якуб Колас, племянник Мядельского ксендза... А Вереньковский председатель давно хочет здесь поле перепахать...

«И пусть пашет! В шею вас всех... – подумал в кротком Олеге Николаевиче обиженный на весь свет рыбак-любитель. – Поделом! – и про себя окончательно решил: Тотчас же еду!

Завтракать не буду даже... Кого их там после обеда отыщешь? Суббота завтра!» – и, сощурившись, посмотрел на солнце, обещавшее жаркий день.

– Не ездили бы... – угадал его мысли Сан Саныч.

– И вправду, папа... – попробовал урезонить Вадик, спускавшийся по тропинке с полотенцем через плечо, мылом и зубной щёткой в руках. – Не звал бы ты сюда милиционеров...

– Да я самого дьявола позову! Вывести на чистую воду наглецов!..

И тут кто-то хихикнул и словно потер руки, довольно сказав: «Ага!»

Вадик с Сан Санычем в недоумении посмотрели друг на друга, а потом на Живулькина. Но тот не раскрывал рта, зло поджав губы, а руки его были подняты вверх и, сжатые в кулаки, угрожающе сотрясали воздух.

Вадик покачал головой.

– Ты завтра на своё Чудское укаатишь, а людям ведь здесь стоять!

– Да кто их отсюдова прогонять станет? – раскричался истерически Олег Николаич, самому себе, однако, не веря, и демагогическим тоном продолжал. – Как это так – прогонят!? Право на отдых и конституция...

Но подошедший Вадик взял его за руку и сказал:

– А так. Как нас с тобой, папа, с Нарочи когда-то прогнали... А потом с Мяделя и со Швакшт в прошлом году... Не помнишь разве?

– Ну, конечно же, – грустно улыбнулся Сан Саныч. – Ваш сын совершенно прав. Отыщем мы ваши удочки. Пошлем Шурочку...

– К дьяволу вашу Шурочку!

И тут кто-то захихикал во второй раз. На этот раз услышал и Живулькин и понял это по своему. Он оглядел заросли у воды – конечно, там никого не могло быть. Лицо Живулькина побагровело.

– Ещё смеетесь! Мать ва... – заорал было он, но тут же осёкся, увидав вдали толстенького рыжего мальчика в спортивном костюме. Тот медленным шагом спускался к озеру от своей палатки, сонно протирая глаза. Все знали, что один глаз у него был карий, другой – зелёный.

– Ты встал, Додик? – удивился профессор, потому что его дети просыпались здесь, как правило, лишь к обеду. – А Фима спит?

– Никто не спит. Разве можно спать? – сказал он, сонно протирая глаза. – Так кричите... Украл что-нибудь? Да, пап?... У кого?.. И куда вы посылаете Сашку? – добавил он как-то с ревностью, не дождавшись ни от кого ответа.

Олег Николаевич неопределённо хмыкнул. Остальные молчали.

Ещё раз бросив свой взгляд на белый замерший на воде кружок, Живулькин вспомнил свои новенькие «телевизоры» и нейлоновый бреденёк, с которыми теперь придется распрощаться навеки. Не будешь же наговаривать на себя в милиции, требуя назад уворованные браконьерские снасти. Он вновь погрозил кому-то невидимому кулаком и решительно пошел к машине.

Глава 3. *Начальство из Постав*

Не прошло и часа, не успела Шурочка поджарить к завтраку рыбу, как синий «жигуль» Живулькина лихо вывернул к озеру с поставской дороги и сходу взял на подъёмчик, где все буксовали. Живулькин был ас вождения, и подъёмчик этот к своей палатке брал одним духом.

Машина мастерски была поставлена на своё место у входа в дот, и, синхронно хлопнув передними дверцами, из машины выскочили двое. Это был Олег Николаевич собственной персоной и какой-то худощавый молодой человек приятной наружности: темноволосый, с усиками, в форменной серо-сиреневой рубашке и каких-то совсем обыкновенных тёмненьких брючках.

– Как-то не похож на участкового... – решила Шурочка, отвернувшись от сковородки, где, попискивая в постном масле, румянились аппетитные окуньки. Она приподнялась на цыпочках, чтобы лучше видеть, хотя отсюда, с деревянной скамеечки, которую сбили, чтобы Шурочка дотягивалась до стола, рассчитанного на гигантский рост Марьи Ивановны и Василия Исаича, было видно как на ладони всё, что делалось «за горой». Да и сама кухня, а, собственно, всего лишь этот сбитый из досок стол для примусов со скамеечкой под полиэтиленовым тентом от дождя, располагалась в наиболее высоком месте поляны, почти под верхней дорогой, у густых зарослей боярышника и ежевики. И палатка Василия Исаича и Марьи Ивановны, стоявшая рядом с «кухней», тоже занимала самое высокое место на поляне: всю ровную площадку под огромной ивой. Здесь, похоже, давным-давно когда-то, лет сто или двести назад, стояло здание, потому что Фима с Додиком, которым поручено было выкопать общественный погреб в тенистом месте за палаткой, где до самой земли опускались ветки ивы, покопали немного и наткнулись на кирпичную кладку. Прав был профессор, любивший повторять: «На развалинах здесь стоим... На развалинах цивилизации, как вандалы...» Пришлось выкопать «погреб» у стола в зарослях ежевики, это было даже удобнее для бабушки: всё под руками. Шумная и расторопная Марья Александровна из года в год готовила на всю компанию, ей это было не в тягость... в отличие от некоторых других, когда бабушка уезжала... Шурочка подвернула примус и вытянулась на цыпочках, стараясь не упустить чего-нибудь из разыгрывавшейся за бугром сцены. Пока что на территории Живулькина было тихо. Молодой человек в сиреневой рубашке молча стоял, выбравшись из машины. Неужели всё-таки милиционер?...

Но Георгий Сергеевич Лихачёв, привезённый Живулькиным из Постав, был следователь. Молодой специалист, бог весть какими судьбами окончивший Витебский университет и отработавший по распределению положенный трёхгодичный срок в городском посёлке Поставы, с нетерпением ожидая скорого возвращения в родной город Одессу.

Выйдя из машины Живулькина, свой первый шаг по траве Георгий Сергеевич сделал нетвердо – окружающая реальность продолжала вращаться относительно некоего центра в его сознании – как у всякого после езды по лесным дорогам с бывшим летчиком-истребителем. Уж показал Олег Николаевич класс езды! В целях экономии времени гнал сейчас через бор по глухим дорожкам, где не дай бог встретиться мотоциклисту!

Какое-то мгновение Георгий Сергеевич приходил в себя. Каким-то еще не понимающим взглядом посмотрел на странный, тянущийся к озеру бугор за жёлто-синим шатром, на озеро там внизу, соблазнительно поблескивавшее в солнечных бликах. Кинул взгляд за бугор: на лагерь и на палатки и, как свойственно всякому молодому человеку после хотя и недолгого, но утомительного сидения в машине – потянулся сладко и с удовольствием. Потягивался он недолго и, сделав несколько энергичных движений, как свойственно всякому вдвойне энергичному человеку, каким и был по натуре Жора, – сразу же пришел в форму. И вдруг он посмотрел себе под ноги на траву... и увидел, чёрт побери, какая она тут сочная и зелёная. Никогда не бывает такой на выжженной солнцем южной земле! И вдруг ему вспомнилось – где-то читал...

Что лев – самое сильное и энергичное из животных – большую часть своей жизни проводит в сонном и лениво-расслабленном состоянии. Захотелось лечь на этот высшей марки английский газон, какого не сыщешь ни в каком парке, а если и сыщешь, то будешь лишь, как дурак, смотреть на траву под табличкой «Посеяно – не ходить». А газон этот существует здесь сам по себе, и все эти люди запросто ходят по нему босиком, ставят свои палатки, выпускают масло из своих машин и просто лежат, как лежал там, на берегу, какой-то затюканный с виду интеллигент в плавках и тёмных очках... Но лежать Жоре хотелось не так, как делал это сейчас нервный испуганный человек – как-то настороженно дергая головой, то и дело снимая очки и глядя не в яркую обложку своего журнала, а почему-то на него, Жору, и всё ворочаясь на слишком туго надутым резиновом матрасе. Нет! Жоре хотелось не на надувной матрас, а в траву – с невысохшими росинками на розовых головках клевера, хотелось лечь в эту траву с жёлтыми, белыми... полыхающими в ней цветами, в которых жужжали пчёлы... Лечь и послать к чёртовой бабушке эти немецкие удочки и всех деревенских воришек!

Но потерпевший меж тем накрывал стол к завтраку, и это обязывало. Накрывал белоснежной скатертью раскладной столик под сосной. Хлопал дверцами, вытаскивал из багажника банки с яркими импортными этикетками, сверточки и заначки. Ряд вспотевших пивных бутылок выстроился на втором раскладном столике в тени сосны. Два оранжевых полосатых шезлонга принесены были откуда-то хлопотливым хозяином... И Жора вдруг посмотрел на него совсем другими глазами. Не такие уж дураки эти отставные лётчики-рыболовы и нервные профессора, так беспокоящиеся за своё здесь пребывание (о чем тонко ему намекнули, и подмигнули, и многозначительно пообещали...), пребывание – зависевшее с этой минуты не столько от председателя в Вереньках, сколько от него, Жоры!.. Даже вспыхнувшая было идея погреть здесь руки – уже не грела... И, о чудо! Самая голубая мечта – предполагаемая дача в Аркадии и ожидаемые от нее доходы – больше не привлекали! Сидевшая в мозгу картинка – своё персиковое дерево и дыни на растрескавшейся, жаждущей воды земле – казалась бледной и жалкой, деревце – каким-то хилым, а дыньки – маленькими и бурыми, с завявшими листьями в лебеде. Не казалось это всё голубой мечтой...

И вдруг еще что-то произошло в сознании Жоры Лихачева. Он так и застыл, глядя на озеро. То ли солнечный блик, отразившейся от воды, то ли некий луч с высоты ослепил его на секунду – яркий свет вдруг проник через зрение в особый загадочный уголок мозга и что-то там совершил... Ему вдруг представилось удивительное видение – золотой, сияющий в небе фонтан золотого света. Бивший вот тут когда-то – словно сейчас. Золотые брызги падают на траву и впитываются этой землёй, этой зеленью, этим миром. Что за дьявольщина!? Но, чёрт! Лайнер ли, вдруг блеснувший там, в высоте, произвел этот эффект – что-то острое паутинкою вдруг скользнуло в левый глаз и вспыхнуло... Действительно вспыхнуло, как электрический разряд! «Вот, вот... это и есть жизнь, – подумал Жора. – Хоть месяц в году, хоть раз в жизни – на такой вот траве, у озера, глядя на этот лес...»

Но не только это вспыхнуло в мозгу у Жоры. Нашло какое-то озарение – он увидел вдруг невероятные события и всю будущую свою жизнь как в каком-то калейдоскопе. Как вернется к себе в Одессу, обзаведется семьей и на деньги тещи купит себе «запорожец» и отечественную палатку седьмой модели. Найдёт работу, чтобы отпуск летом, и будет мечтать о том, чтобы на весь месяц приезжать сюда, на это озеро... Но не сбудется это ни тогда, ни еще через год и два, а только в неведомые времена... Он переживет кучу жён и тещ! Что за ерунда? «Вечный жид! Вечный жид!» – что-то ёкнуло в голове, как вражий голос в радиоприемнике, и раздался гнусавый смех... Жора потрянул головой, и увидел, наконец, это далекое будущее. Неимоверно далекое. И непонятно, в какой реальности. Как всё-таки придет сюда, потому что ему будет разрешено... Хоть будет это не скоро, через уйму лет, но всё сбудется – как в каком-то обратно прокрученном кинофильме промелькнуло в памяти Жоры, именно в памяти, будто он всё это пережил. Вон там, на краю лагеря под березой будет стоять его палатка рядом с профессорским

«опелем»... Даже нет, он такой модели не знал. И будут всё знакомые лица, потому что им будет разрешено... И даже будто бы наоборот... И какое-то оцепление, войска, охрана. А почему это будет особым районом и заповедником, того Жора сейчас не знал и понять не мог... Только был уверен, что всё сбудется и всю его долгую жизнь какая-то сила будет тянуть сюда, как притягивает на этот кусочек земли всех, кто хотя бы миг побывал здесь. Нет, притягивать не всех. Таких, как Жора, но не таких, как этот лётчик-истребитель. Почему? Он не знал, в чём разница, только понимал: не всех пустят. Многие будут званы, да немногие призваны... И всё потому... Необратимый спонтаногенез... Дубликация. Сверхразум. Что-то ещё стучалось из глубины памяти, увиденное словно в перевернутый, всё уменьшающий глаз бинокля... И – что за сила, скрытая в этом сиянии, глубоко в земле – там, под этой травой – что за таинственная и неуловимая? До конца жизни не поймет Жора этой загадки... но будут те, кто поймут. Только не очень скоро. И в сознании его возник круг, перечеркнутый двумя линиями – крестик. Буква «Х» шалашиком над точкой в самом центре окружности...

«Мать, честная! Галлюцинации!» Никогда не было их у Жоры... Самое время выпить, – подумал бы на месте Жоры кто-то другой, но сам Жора так никогда не думал... Он вечно страдал и мучился, если пить приходилось.

А между тем раскладной столик переставлен был в тень сосны – передвинувшуюся согласно движению солнца в небе. Так надолго застыл в раздумьях привезённый из города сотрудник милиции. «Уснул он там, стоя, что ли?» – подумала тем временем Шурочка, глядя из-за бугра. Радивый же хозяин не рискнул вывести гостя из нашедшей вдруг на того задумчивости, он принял это за добрый знак. «Осматривает место происшествия!» – решил Олег Николаич.

На крахмальной скатерти появился копчёный угорь и нарезанный ломтями окорок с прожилками белоснежного сала, приобретенные у хозяйки Фани; ещё не засохший минский хлеб; крестьянское самодельное масло, раздобытое в Шабанах; срочно сваренная Машей бульба и даже та самая сковородка с золотистыми хрустящими окунями, выхваченная с пылу-жару из-под носа у Шурочки – девочка и глазом моргнуть не успела. Олег Николаич только мрачно взглянул на неё из-под кустистых бровей: «Мол, так надо». Наконец, на столе появился дымящийся котелок с ароматной ухой из щуки и двойняшка распитой вчера вечером у костра «Зубровки». Мы, впрочем, не можем с уверенностью сказать, что было в самой посуде. Может быть, квас, который Олег Николаевич всюду возил с собой и сам делал из концентрата, а может быть, молоко из-под Фаниной Буренки или ещё что-нибудь, раздобытое по случаю в деревне... Жора радостно встрепенулся, потянул носом, и гость с хозяином сели завтракать. Хотя время, по меркам Жоры, шло к обеду...

Как раз к этому времени Шурочка с Василием Исаичем кончили свой немудреный завтрак, ограничившись кофе с чаем и бутербродами. Сан Саныч вообще не покидал наблюдательный пункт на берегу, всё равно позже предстояло кормить Фиму с Додиком – его оболтусы-сыновья захотели ещё поспать.

О чём шла речь за трапезой под сосной, Шурочка могла только догадываться, поглядывая за бугор на цыпочках со своего поста: заранее варила на примусе борщ к обеду. На втором «шмеле», тоже поставленном на высокий, сколоченный из досок стол, вскипало вечно скисавшее раньше времени молоко. Кофе по-варшавски – таков был заведенный раз навсегда закон в лагере Василия Исаича и профессора. Что бы ни пили у неприятеля «за бугром», здесь же и в первый, и во второй завтрак, помимо чая, предпочитали этот напиток.

Меж тем «за бугром» разливалось что-то из упомянутой выше посуды с нарисованным на этикетке зубром, мелькал половник над котелком с ухой, и по тому, как всё шире и шире разводил руки Олег Николаевич в известном жесте всех хвастающих рыболовов-любителей, Шурочка поняла, что речь идёт о размерах добываемой щуки.

Потом был во всеуслышание призван Вадик. Олег Николаич в позе убитого горем Тараса Бульбы отвернулся от сына и стал бить себя в грудь. И по тому, как встречен был приближившийся Вадик укоряющими кивками, полными отеческой печали, и по тому, как ему обличающим жестом ткнули пальцем в грудь, после чего Вадик пожал плечами и ушёл к Леночке в палатку, Шурочка поняла, что речь шла о приключениях на Чудском озере в прошлом году и повторен был вчерашний рассказ о не проявленном Вадиком героизме в ту самую роковую грозу, когда кончился бензин в моторке, а ветер с берега дул целые сутки. И обличен был Вадик в нежелании своём жертвовать жизнью в волнах Чудского озера, а далее, видимо, был повторён также знакомый уже рассказ о непередаваемом героизме самого бывшего лётчика-истребителя, что подтверждалось бурной жестикуляцией, передававшей отчаянную борьбу с водной стихией.

В этот момент молоко под носом у Шурочки начало убежать, и она, прикрутив «шмеля», поспешила с кастрюлькой в руках к заждавшимся её мужчинам.

Уныло выглядевший Сан Саныч, решив, что трапеза «за бугром» грозит затянуться на часы, решил-таки наконец позавтракать. Встали и его дети. Толстенский Додик, сидя за столом, лениво протирал глаза и мученически дожевывал бутерброд. С осени ему предстояло штурмовать седьмой класс средней школы. Студент-второкурсник Фима, недовольный исчезновением шезлонгов, так же, как брат, сидел на сосновом чурбаке, но его худая долговязая фигура никак не могла приспособиться к низкому и твердому сидению, и поэтому в его лице помимо вечной снисходительной меланхолии отражалось раздражение. Он нервно пощипывал наметившийся пушок над верхней губой и постукивал ложечкой о стакан в ожидании кофе.

– А где рыба? – спросил Фима, когда Шурочка разлила молоко по кружкам. – Опять сожрали коты? Зря мы только чистили её вчера...

Шурочка закрыла банку с растворимым кофе и ничего не ответила. Она знала, что Фима терпеть не может сыр с тмином, но больше ничего на бутерброды нет: пора было ехать за продуктами в Литву. Она посмотрела на дедушку, который всё ещё копался в моторе своей старой заслуженной «победы».

– Новой наловим, – сказал Сан Саныч. – Надо было угостить местную власть.

Василий Исаич захлопнул капот и молча подсел к столу. Он тоже, как и профессор, подумал о том, что надо бы послать «за бугор» непочатую бутылку коньяку, что лежала у него в багажнике, да как-то это всё неудобно...

Как раз в этот миг Жора Лихачев встал из-за стола и, поблагодарив хозяина, почувствовал, что если сядет сейчас в услужливо раскрывшиеся перед ним «жигули», то встать уже будет очень трудно... и будет ему тогда не до удочек и деревенских воришек. Поэтому он вежливо отказался от заманчивого предложения хозяина сесть в машину и сказал, что пройдет в деревню пешком, благо Шабаны были недалеко.

Все головы завтракавших по ту сторону бугра повернулись в направлении следователя, который бодро шагал вдоль озера по тропинке. Тот почувствовал это и даже вспотел. «Как сквозь строй! Чёрт бы их всех побрал!» – вздохнул Жора.

«Стойкий парень, – отметил про себя Сан Саныч. – Неизвестно ещё, к чему это приведет».

«Выпивали! – с усмешечкой подумал Фима, заметив приметную красноту лица, что всегда в таких случаях выдавала Жору Лихачева. – И, однако!... – почувствовал Фима некоторое разочарование, ибо шаткости в походке следователя заметно не было. – Кто их там разберёт!»

А Додик, введенный Шурочкой уже в курс дела, радостно ухмыльнулся и, сверкнув карим и зелёным глазом, внутренне ликовав: «Ура, ребята! Вон куда мент пошёл!» Ликование же было вызвано тем, что направился следователь не назад Поставской дорогой в сторону бесчисленных дотов как наиболее логичного места хранения ценных приобретений, что, конечно же,

ребята из Шабанов должны были понимать, а пошёл он совсем в противоположную сторону, то есть напрямик в деревню, где никакой дурак ворованные удочки держать не будет.

Подобная мысль пришла между тем и самому Олегу Николаевичу. Пообщавшись за завтраком со следователем, он с сожалением сделал вывод: «Хоть и не промах парень, а молод ещё!» Не доверял молодости Олег Николаевич. Яркий тому пример в виде Вадика был всегда у него перед глазами. А потому, разочарованно посмотрев, в какую сторону пойдёт молодой специалист, Олег Николаевич только плюнул с досадой. Ни хрена не найдёт его удочек этот следователь! Не там ищет! И, смекнув, что один детектив – хорошо, а два – лучше, решил провести свой собственный параллельный поиск в одном из окрестных дотов четырнадцатого года, где не далее как вчера в полдень, возвращаясь с хутора от стариков, засек предполагаемых злоумышленников.

А дело было так. Выходя из хаты бабы Зоси с двумя пустыми бутылками из-под «Зубровки», с крыльца ещё увидал Олег Николаевич, как в конце сада, в хозяйских поречках, мелькнули две знакомые теперь фигуры шабановских пастушков, которые вечером «уведут» его снасти. А так как настроение у отставного летчика-истребителя было хреновое – не разжился он у стариков тем, чем предполагал разжиться и что раздобудет лишь к вечеру у хозяйки Фани, то решил хоть внушение сделать воришкам, отвести душу, морально на них, как говорится, повлиять. Кому ещё воспитывать растущее поколение? А потому не свернул он с крыльца за угол хаты ровненько к себе на озеро, а, стрельнув глазами, как вороватый кот, двинулся напрямик через сад и вломился в смородиновые кусты. Но, увы! Не было в поречках воришек, не интересовала их хозяйская смородина! А то, что увидел он дальше, где сад кончался, – скрытое в одичавшей черёмухе, было входом в хозяйский погреб. Но сунул и туда свой нос любопытный Олег Николаевич, и понял вдруг, что это не погреб вовсе, а ещё один вход в старый фрицевский дот, что бетон – немецкий, качественный, что построено на века: простоял сто лет и ещё столько же простоит! А, заглянув внутрь, понял, что никакой это и не дот, а вход в какое-то подземелье. Спустившись на пять ступенек в крошечной темноте и не отважившись ступить дальше без фонаря, он услышал детские голоса и эхо удаляющихся шагов – гулкое шлепанье по воде... Мерно, капля за каплей, капало где-то рядом... Нет, не страх объёял бывшего летчика-истребителя, когда вдруг пискнуло... и что-то посыпалось за воротник... Просто решил Олег Николаевич, что придет сюда как-нибудь с фонариком в рыбацких резиновых сапогах. Над головой хлопнуло, и за воротник уже потекло... И тотчас же выскочил Живулькин на свет божий...

Вот что вспомнил Олег Николаевич, когда следователь Лихачёв зашагал через поляну в направлении Шабанов. Вот почему, громко проклиная Вадика, битый час обшаривал всю палатку, каждый угол в машине и траву у костра в поисках электрического фонаря, который, как отлично помнил Олег Николаевич, видел ещё вчера и сам сунул куда-то, а куда – забыл. Ну, куда мог деться распроклятый фонарь? Новенький, допотопной модели, купленный в «уценке» за тридцать шесть копеек! Как было не купить? Но эта чёртова черная жестянка с лампочкой внутри имела злосчастное свойство зажигаться сама собой и попадать под руки, когда не надо, а также деваться неизвестно куда, как только в фонаре возникала надобность.

Найдя наконец фонарик в багажнике, в брезентовом мешке с картошкой, Олег Николаевич понял, что Вадик был ни при чём. Поэтому, испытывая укоры совести, он не стал говорить сыну о намеченном предприятии, забыл даже выключить опробованный фонарик. Вспомнил только, что капало с потолка и надо бы прихватить плащ с капюшоном... А напрасно обруганный, обвинённый в пропаже электрического фонарика Вадик, удалившийся загорать на бугор, вдруг забыл нанесённые ему обиды и, привстав на надувном матрасе, не в силах крикнуть от изумления, растроганно провожал взглядом удаляющуюся фигуру отца... Олег Николаевич в брезентовой списанной плащ-палатке и рыбацких своих резиновых сапогах до пояса, с зажа-

тым в руке горящим фонариком и с каким-то решительным целеустремленным видом шагал по поставскому большаку, поднимая пыль под палящим солнцем.

Знал бы Вадик, как удивится бабка на хуторе, выглянув из окна хаты и увидев Олега Николаича в таком обличье, воровато высматривающего из её поречек. Он и впрямь то и дело оглядывался вокруг – не заметят ли его старики, не обвинят ли в интересе к хозяйской смодине?

Но бабке было не жаль ягод. Дочки уже наварили варенья на всю зиму. Испугал её нелюдский крик, раздавшийся вдруг из склепа. Не знала она, что кричит Олег Николаич от радости, осветивши фонариком последнюю не затопленную водой ступеньку, на которой, прислоненные к цементной стенке, стояли его родимые – бамбуковые немецкие удочки, купленные в прошлом году, если честно сказать, за шестьдесят три рубля. Семь рублей он дал сверху.

Удивит, несказанно удивит Олег Николаевич всех обитателей лагеря своей находкой. Но то, что принесет из деревни не далее, как через час молодой следователь Жора Лихачев, – не просто удивит ещё больше, а положит начало всей этой истории и даже можно сказать, – новой эре в истории человечества, о чём по-разному будет рассказываться во всех учебниках.

Глава 4. *Расследование в Шабанах*

В тот самый миг, когда свет электрического фонарика выхватил из темноты склепа при-
слоненные к стенке удочки, Георгий Сергеевич Лихачев делал свои последние исторические
шаги на подступах к Шабанам. Позади него остались тихая синь озера, простор неба и зали-
тые солнцем холмы с шумящими на ветру соснами. Он пересек вымокшее на дождях поле
колхозной картошки, хилой и погибающей от излишней влаги, и спустился в низинку, порос-
шую хмызняком. В конце тропинки в просветах между ветками ольхи виднелись разъезженные
колеи деревенской улицы. Но прежде чем вывести на дорогу, тропа пересекала ручей, топкие
берега которого, перемолоченные копытами коров, являли собой разбухшее от воды торфя-
ное месиво. Но, к счастью, в этой топкой жиже неведомыми благодетелями были разбросаны
случайные предметы. Жора с опаской ступил на сплющенное цинковое ведро, потом – на кир-
пич, на выкрашенную синей краской доску, а оттуда, перепрыгнув через ручей, – на кочку,
укрепленную корнями ольхи. Здесь было посуше и уже рукой подать до шабановской дороги,
по другую сторону которой за изгородью из проволоки бушевала чья-то картошка. А выше
зеленых борозд, на вершинах холмов, что тянулись грядой вдоль дороги, в синем просторе
шумели сосны.

Жора выбрался из ольшаника на дорогу, которая оказалась сухой и песчаной, и вдруг
повеяло таким простором, таким здоровым и свежим запахом разогретой на солнце хвои и
картофельной ботвы вместе, что он опять, черт возьми, подумал: «А не дурак был тот, кто здесь
жил и этакой узкой лентой вдоль дороги отмерил себе огородище такой длины, что крыша
высокого дома виднелась вон как далеко из-за старых кленов!»

Если б был Жора местным жителем или хотя бы поинтересовался у сторожилов, то узнал
бы, что огород этот весьма хитро себе отмерил еще «за польским часом» смекалистый мужик
Фома по прозвищу «скупой» и растил там, как сам любил говорить, «и бульбу, и дрюцы», ибо
«кожнае лета бурэла» за огородом самая большая сосна, о чем, беспомощно разводя руками,
докладывал он пану... Что ни год к осени краснело своей сухой хвоей самое высокое дерево
в два обхвата, и дров скупому Фоме хватало до весны. Как ни старался ясновельможный пан
Червинский выяснить истинные причины столь регулярного усыхания сосен в огороде Фомы,
как ни подсылал своего лесника – ни насечек на основании ствола, ни подруба корней, ни еще
какой-нибудь порчи при всем желании обнаружить не удавалось. Даже почву брал на анализ
выписанный лесничим из Варшавы консультант... Засыхало дерево словно по желанию самого
Фомы... И никому-то не приходило в голову заняться подсчетом сосен на его участке. Сколько
ни рубил он по исполинской сосне в год, количество самых больших деревьев оставалось одним
и тем же. И сколько ни ломал голову над этой загадкой Фома, махнул, наконец, рукой, решив,
что без дьявола не обошлось: не зря говорят, отец его знал с чёртом... и каждую осень, как
прежде батя, собирал Фома на своём огороде урожай картошки и урожай дров. Прозвище
«скупой» тоже перешло к нему от отца, как и само имя Фома, да и похож стал на того к ста-
рости, как две капли воды. Так говорили здешние старухи и поскорее крестились, вспоминая
Фому-отца. Все считали, что был колдун. Но прославился старший Фома не этим. Мало ли
ведьмаков по здешним лесам? И даже не скупостью своей чрезмерной был он знаменит, такой
скупостью, что вся хата, и хлев, и специально выстроенное высокое гумно были завалены бог
весть откуда бравшимся старым хламом: какими-то подержанными вещами, тулупами и кус-
ками овчин, изъеденными молью треухами, старыми сапогами, почему-то всегда без пары. А
пол был заставлен лавками, сундуками и разными этажерочками, деревянными колёсами от
телег да полозьями для саней. Всё это барахло извлекалось с чердаков и подвалов и «у неделю»
вывозилось на базар, где продавалось, с чего, говорят, и имел Фома кое-что за душой... И
бог весть, откуда все бралось?! «Бог дал!» – отвечал Фома встречным мужикам, возвраща-

ясь из леса с кошиком боровиков где-нибудь в середине мая, когда и грибов-то в глаза ещё не видали, и держа по обыкновению под мышкой какой-нибудь старый сапог или новенькую шапку-ушанку чёрного барашка. «Бог дал, бог дал...» – смиренно кивал Фома удивленным односельчанам, как-нибудь июльским вечером возвращаясь с паствы: замахиваясь на коров своей пугой и привычно неся до хаты какой-нибудь ладненький, найденный где-то барашковый козушок. И вскоре никто уже не удивлялся, что бог дал Фоме талант находить. Идет он, бывало, с кем-нибудь по дороге, не на свата смотрит или там соседа, и не ворон в небе считает, а под ноги себе глядит. И находит, чёрт его дери! То трешницу, а то грошик или золотой. Бредет с ним, бывалоча, какой-нибудь небарака с панской лесопилки, несет в кармане бережно завернутый в тряпицу заработок за целый день работы, и вытащит, решит похвастать: «Вось, зарабиу сёння, гляди, пятак!»», а Фома согнется – из-под ног у себя такой же пятак поднимет! А когда потеряла паненка в лесу дорогую серёжку с бриллиантом, о том сказано было Фоме и показано место. И нашел серёжку Фома! Принес пану, за что, по-видимому, и махнул рукой пан Червинский на ежегодное усыхание сосен в огороде Фомы. Правда, говорят, что вторую, точь-в-точь такую же серёжку продал Фома тайно поручику Козловскому, ухаживавшему за пани Зосей, а ещё одну купил у него купец Ферапонтов. И когда оказалось у паненки три одинаковых серёжки вместе с непотерянной четвертой, то бишь, две одинаковые пары серёг, речь зашла об искусной подделке, вышел скандал, и обоим женихам дали от ворот поворот. А потом вдруг заварилось такое!.. Никто даже и не заметил, как нашел себе Фома сына, да и не удивился этому уже никто. Ну, привёл откуда-то трехлетнее дитяtko, родила какая-то бродячая божья странница и отдала Фоме. Бог дал! Чего не бывает?! Было чему удивляться и без Фомы: все только и говорили тогда об этой истории из-за наследства, которая вдруг заварилась и кончилась сама собой, потому что внезапно исчезла, пропала вдруг неизвестно куда сама наследница прекрасная пани Зося. Только, говорят, никуда она не пропала, а убежала в Америку со своим вторым любовником, каким-то молодым профессором-иностранцем, приехавшим из-за границы читать лекции в самом Вильне, о чем даже в Поставах были расклеены афиши. А кто говорил, что был он вовсе и никакой не профессор, а индийский маг и факир, потому что видели их как-то раз потом с пани Зосей – и было это уже, когда в маёнтке хозяйничала пани Эльжбета, а кости русского князя лежали в золотом гробу в каплице над Долгим озером, и всё потому, что истинная наследница – старая княгиня, тетка пани Зоси – после пропажи любимой племянницы выжила из ума... Так вот, говорят злые языки, что видели красавицу Зосю вдвоем с любовником-индусом после как-то – уже поздней осенью: пани Зося была в роскошной дорогой шубке, а загорелый спутник ее босиком шагал по свежевывавшему снегу в одном каком-то исподнем балахоне из кисеи. Другой раз будто бы видели пани Зосю одну в бальсане на могилке её первого любовника – того художника, что стараниями русского князя сошел, говорят, с ума в виленской тюрьме, когда заварилась вся эта история из-за наследства... А кто говорит, что была это пани Эльжбета, которая приходилась хоть и дальней родственницей пани Зосе, и была не такой раскрасавицей, но тоже любила виленского художника, бывшего Петинькиного учителя... Да! Была это точно пани Эльжбета, потому как, чего скрывать, была к тому времени пани Зося давно уже в Америке, куда увёз её вместе с младшим братом Петенькой сразу же после смерти их отца никакой не индеец, а законный муж – то ли сказочно богатый банкир, то ли некая скандальная по тем временам американская знаменитость. Всем он как снег на голову свалился! А виленский-то художник, вышел потом из тюрьмы, когда русского князя хватил удар, но вскорости умер от чахотки в Варшаве, где пани Эльжбета родила Софочку, которая тоже не дожила до трех лет, и сама бедная мать скончалась от такого горя. Их обеих похоронили в Маньковичах, в семейном склепе. Но было это уже накануне четырнадцатого года, потом пришли немцы и выкинули кости русского князя из золотого гроба прямо в Доуже, а на месте каплицы построили один из самых больших фрицевских дотов. С тех пор

и почти до самой войны с фашистами хозяином всего маентка, как и имущества в Маньковичах, был младший кузен пани Эльжбеты, тоже из обедневших Червинских...

Любил, ох любил об этом рассказывать покойный сосед Фомы, бывший портной Адам Казимирович, известный в округе как дед-балабол. Всю свою жизнь, сколько помнили его туристы, отдохавшие на Воронце, ходил Адам Казимирович в своих офицерских, еще старой армии, штопаных-перештопанных штанах с заплатками на коленях, сделанными профессиональной рукой. И однажды на удивленное замечание Шурочкиной бабушки, что, мол, как же хорошо зашито, отвечал Казимирович с потаенной грустью, что шивал он и не такое. Была у него в Америке своя швейная мастерская, и дела шли хорошо! Останься Адам Казимирович в Соединенных Штатах, был бы теперь Ротшильдом или Макдональдсом в портновском деле. Ах, зачем, зачем не остался?! Но не за этим отправился за море Адам Казимирович, не хотел он делаться тамошним миллионером. Была у него мечта: заработать деньги и купить свой хутор, стать хозяином здесь, на родине – очень хотел иметь свою землю. И заработал, хорошо вдруг пошли дела, изобрел какую-то особенную швейную машинку и стал бы точно миллионером, останься ещё на год-другой... но всё получилось как задумал – с золотом вернулся назад и купил землю, и хутор завел на Светлом озере... Да только техникой для хозяйства обзавестись не успел, прикупил было скот и нанял работников – да тут пришли немцы в четырнадцатом году! Отобрали у него всё золото да «живёлину» – всё, что заработал в Америке, и остался он на пустой земле, и опять всё надо было начинать по-новому без гроша. И начал Адам Казимирович с нуля во второй раз, был ещё молодой. Сам работал с утра до ночи, света божьего не видал – дела пошли на лад. Да только лишь он снова разбогател, встал, как говорится, на свои ноги, – и опять война! Теперь уже с немецкими фашистами. Ограбили его и эти немцы, и снова он – голь перекатная, хорошо – жив остался. Но прогнали и немецких фашистов. Вот тогда-то пришли советские большевики, и теперь уже, после победы, не стало никакой жизни. Отобрали у него землю, хутор взяли и отняли ни за что ни про что – и согнали их всех, таких же, как он, – жить колхозом в деревню Шабаны, где прежде селились одни только пришлые безземельные батраки, а пан Червинский выделял им у хаты землю для огорода.

Нет, в третий раз заново жизнь было не начать, начинать теперь было бесполезно. Да и старость пришла, долгую бог послал ему старость. Спал по дотам, в шалаше летом прятался, собирал ягоды и грибы, зимой тайно, втихую портняжил, шил кому-нибудь шубу или штаны, но в колхоз не вступил, не поддался – так и не простил большевикам отнятый хутор, не простил Адам Казимирович коммунистам, что отобрали у него его землю на Светлом озере... Как он теперь проклинал судьбу, что в Америке не остался! Купил бы себе землю там и стал фермером где-нибудь в Техасе... И никто бы у него его землю не отобрал! Все уши прожужжал он приезжавшим на озеро туристам своими байками, за что и кормили и поили его отдыхающие и очень его жалели. Никак не могли понять, отчего этот старикашечка, не получающий никакой пенсии и живущий тем, что продает собранную им самим землянику на поставском базаре, отчего предпочитает порой ночевать рядом с их палатками в каком-нибудь доте, наваливши на пол еловых лапок, но боится идти в заколоченную ныне хату, где коварные соседи и родичи «хотят у него всё отобрать»! Невдомек было городским отдыхающим, что ж такое отобрать можно у столь жалкого старика. Всё выяснилось, однако, не далее как прошлой весной, когда скончался Адам Казимирович в доме для престарелых, определенный-таки туда немалыми трудами Вереньковского председателя, и когда в профессионально сделанных заплатках на коленях царских офицерских штанов были найдены аккуратно зашитые золотые монеты.

Ох, и пожалели же многие – очень многие, кто не поверил в своё время старому Казимировичу, кого водил дед-балабол к старому кедру – а водил он туда всякого нового, свежего человека и трясущейся рукой старчески тыкая своей палкой в фундамент каплицы, шептал: «Здесь надо копать. Здесь... Только я знаю...»

Но охотников делить пополам обещанный клад скупого Фомы не находилось. Да и как было верить, когда истории о мифическом кладе, о тайном закапывании его здесь в одну из темных грозowych ночей четырнадцатого года, предшествовала та самая знаменитая байка о вознесении скупого Фомы на небо! Вредил, ох вредил сам себе Адам Казимирович! Ну, кто в наше просвещённое время поверит, что можно просто так вознестись на небо?

Вот, собственно, и подошли мы в нашем рассказе к тому, чем знаменит был скупой Фома, а точнее, Фома-сын, и чего, к сожалению, не знал наш поставский следователь Георгий Сергеевич Лихачев. А известен Фома был тем, что улетел к богу на небо за своим золотом.

«Бог дал, бог и взял!» – торжествовал покойный Адам Казимирович, подходя к кульминационному месту своего рассказа, не подозревая даже, какой тайный – второй смысл – имеется в его словах, и злорадненько поглаживал бородёнку. А рассказ заключался в следующем.

В последние годы своей жизни, за несколько лет до войны с фашистами, когда в имении вновь начали наводить свой немецкий порядок наследники мужа старой княгини – барона Беренгауза, Фома стал не только скуп, но и подозрителен. Глядя на опять выставившие, как грибы, красильни, оборудованные машинами прядильные цеха, электрические мельницы и маслобойни, напоминавшие ему то легендарное время, о котором наслышан был от отца, прожившего, говорят, больше, чем двести лет, стал Фома очень уж опасаться за какую-то свою тайну и за золото, не закопанное в четырнадцатом году. А потому, говорят, сложил все свои монеты в столбик и зашил в чёрный чулок, а чулок тот всегда держал у себя за пазухой в шапке-ушанке чёрного барашка.

«Ну что, золото при тебе?» – хлопнет, бывало, дружески по груди кум или сват – и точно, чует: есть что-то твёрдое за пазухой у Фомы.

Очень злился Фома на подобные шутки и сторонился людей. Вот однажды, когда Фома храпел на печи, решил его меньший внук посмотреть на дедово золото. Размотал бабкину хустку, которой поверх телогрейки закутан был Фома зимой и летом, и, расстегнув все пуговицы, сунул руку деду за пазуху. Нашупал там шапку, а в шапке и впрямь столбик монет в чулке, да и вытянул весь чулок. Тут дед проснулся и только хотел отобрать у внука свое добро, как чулок этот, словно живой, изо всех сил стал вырываться из рук у мальчика да и вырвался, наконец, сиганув с печи. На глазах у оторопевшего внука прыгнул с печки на пол Фома вслед за чулком и ухватил в самый последний момент у двери, когда тот в щель норовил пролезть. И потащило старика из хаты! В сени, потом на порог... А с порога, как есть, под крышу и вверх... Заголосили невестки с дочками, что на лавке у крыльца стирали. Руки в мыльной пене заломили – и кричат так, что в вёске слышали. Высыпали люди из хат. Держится за чулок Фома, не выпускает, а тот выше в небо из рук рвется. Вся деревня видела, как превратился Фома в маленькую чёрную точку за облаками... А золото, говорят, ярче солнца сверкало сквозь чёрный чулок. Нелюдское это было золото...

«Бог дал, бог и взял!» – удовлетворенно заканчивал свой рассказ Адам Казимирович, после чего желающих откапывать вторую половину «нелюдского» золота не находилось.

Но не знал всего этого Жора Лихачев... А многое, очень многое мог бы узнать молодой поставский следователь, интересуйся он хоть немного историей родного края... Ну, пусть, не родного, но той земли, где волей судьбы приходилось ему отрабатывать свой трудовой долг. Жора же только успел наспех выяснить, что на всю округу... (А округу эту, к слову сказать, неизвестно было никому, как и назвать-то, потому что сходились тут как на зло своими границами аж три соседние области. И хоть «округа» эта богата была, как раз, своими историческими событиями, обозначалась она на карте лишь изогнутой линией в виде буквы «Т», разделявшей три вышеупомянутые области. А что такое линия? Ряд точек, нечто в высшей степени абстрактное и неконкретное... Даже разрешение на порубку сосен, которые по-прежнему продолжали периодически усыхать на радость потомкам Фомы и приезжим туристам, не надо было спрашивать ни у какого председателя – ни у вереньковского, ни у лотвянского, ни у начальства

из Манькович – потому что никто не знал, чья же это земля – Т-образная граница на карте... Та песчаная гряда холмов со старыми соснами за огородом Фома, переходившая в высокий берег, где селились туристы...) Так вот, успел-таки выяснить молодой следователь, выезжая на место происшествия с потерпевшим, что на всю округу числилась лишь одна подозрительная личность – мелкий вор и тунеядец, единственный нарушитель спокойствия местного участка – некий Константин Дубовец, специализировавшийся исключительно на крадении съестного. То есть, воровал он у соседних бабок, по свидетельствам потерпевших, копченые окорока, подсыхавшие на заборе, крынки с молоком, банки с компотами и вареньями из погреба и прочую снедь, за что периодически попадался и отбывал срок, так как работать в колхозе не хотел, а есть-пить, как говорится, каждому надо. С виду же он был парень «кровь с молоком», а – с чего, спрашивается, как не с ворованного по соседству? Где, однако, добывал Константин, как любовно называли его сами потерпевшие, всё остальное, что требуется человеку в жизни, хоть и по самому минимуму запросов, – никто доказать не мог, ибо уличить Дубовца ни в каких других покражах, кроме варенья и окороков, начальству не удавалось. Да и обвинения, опять-таки, к слову сказать, не тянули: хиленькие они были, кволые – основывающиеся на неуверенных показаниях пострадавших и молчании самого Константика. «Откуда у тебя смородиновое варенье? – спросит, бывало, со всею строгостью участковый. – Не из погреба ли соседки Яди?» Признает Константин, что из погреба, кивнет виновато головой и молчит, а что ему ещё ответить? Не сам же он это варенье варил... А бабке-то и не вспомнить зимой, пять у неё на полке стояло или шесть пол-литровок этого самого черносмородинового варенья. Больше, кажись, сварено было летась из вишни да алычи... Поэтому не сказать, чтоб доставлял он много хлопот участковому инспектору. Не возражал обвиняемый, когда его уличали, не возражал. Да и как было возражать? Идет, бывало, бабка к автобусу мимо Константиновой хаты, яиц в город дочери к Пасхе отвезти. Глядь – окорок на заборе сохнет! Её окорок! В еёной собственной пожелтевшей марлечке, раздобытой у фельдшерки в латвийском ФАПе. Тот, защитой чёрной махристой ниткой с треснувшей катушки. Из-за проклятуших узелков всё на свете прокляла, пока зашивала... Забудет бабка про Пасху с яйцами – и спешит на другой автобус, не в Кабыльники, а в Латву – не к дочке уже, а к участковому что есть духу! И завертится очередная история!.. И найдет уж, бывало, бабка та окорок свой за печкой, куда сама подвесила на Коляды. По запаху найдет, протухший... И соберется уж каяться участковому, что напраслину на сиротку навела... Да пока соберется, пройдет по деревне новость: сидит Константин. Продал кому-то в Мяделе на базаре колхозное поросё... И не отправится к участковому потерпевшая: «Всё равно ж у кого-то украл... а хоть бы и поросё!» Только совесть одна ей не даст покоя, и помолится за сиротку, за мать покойницу – царство ей небесное, небарака, всю жизнь «на колхоз рабила», а без пенсии померла! Не дожила, бедная... И греха, может в этом нет, что у сыночка-сиротки телевизор в хате, али окорок на заборе? Может, ойтец-то наш, пан бог, по справедливости наконец судить начал!? И отправится в фэст да костелу, свечку купит: скоро, скоро уж конец свету... Да ещё подумает: а и то... у царкву, что ль, к православным пойтить – другую свечку поставить – за здоровье дитятки обговоренного, сиротки бедного, сына божьего Константика?..

Потому-то и не мог понять участковый, почему это бабки, у которых ворует Константин, так любовно относятся к обвиняемому? Не было у него любовного отношения к тунеядцу. Откуда в хате у Дубовца и телевизор, и магнитофон, и газовая плита? Кто и как доставлял хотя бы те же баллоны с газом – оставалось величайшей загадкой. Было достоверно известно, что ни один местный шофер – ни «левый», ни из «мингаза» – никогда их ему не возил, а придет участковый воспитательную работу провести, поговорить о жизни – встретит радушный прием: выйдет Константин в сени, спичкою у конфорки чиркнет, чайничек вскипятит. И чайком угостит всегда хорошим... вроде как индийским, привозным. Не грузинским из Вереньковского сельмага. А к чаю всегда – какой-нибудь шоколад. Друг, говорит, из города угостил...

В погребе у бабки Яди таким, ясное дело, не разживёшься. Ну ладно, вздохнет участковый. Друг, так друг. На следующий же вопрос участкового «А откуда у тебя газ в баллоне?» Дубовец неизменно отвечал, почёсывая затылок:

– А чёрт его знает, как это происходит, я и сам не знаю. От матери ещё остался. Не кончился вот ещё... Много ли мне одному надо?

И ответ этот, поражавший искренней задумчивостью, слышал не один участковый, навещавший за десять лет деревню Идалина, что мирно лежит на берегу Идалинского пруда через шоссе от Шабанов. В ответ же на вопрос, откуда магнитофон и приёмник с чёрно-белым телеком, Дубовец говорил, что сам собрал из деталей в школьном кружке «умелые руки». Однако же, когда позапрошлым летом появился у него в хате цветной японский телевизор, подозреваемый рассказал историю про подарок минского друга. И впрямь, школьный друг Константика жил теперь в Минске, женившись на дочке директора «Столичного» гастронома, что возле ЦУМА в районе Комаровского рынка, а такой зять, сами понимаете, вполне мог бы подарить что-нибудь и покруче какого-то телевизора... Да и свидетели отыскились... Видели дачники-соседи, как выгружали из «Жигулей» с прицепом две большие картонки с какими-то иероглифами: одну тяжёлую, а одну пустую, а на следующий день рано утром, загрузивши обратно две тяжеленные коробки, увезли. На вопрос, почему было две коробки, а не одна, и зачем было коробки увозить, Константин уверенно отвечал, что во второй коробке была старенькая одежда, подаренная тещей друга, а чтоб отблагодарить за подарки, нагружены были в коробки яблоки из собственного сада... И махал участковый рукой: «А, дьявол с ним...» – ибо даже у участкового вызывал Константин необъяснимую симпатию, а предпоследний участковый был к тому ж и порядочный человек... Не чета последнему, который засадил-таки Константика за этот треклятый телевизор. Больно завидовал, подлец. Формулировочку, правда, пришлось несколько изменить: «за тунеядство и аморальный образ жизни».

Но не знал, разумеется, всех этих подробностей молодой поставский следователь, шагая по дороге вдоль залитых солнцем рядков цветущей картошки.

«Не мог... Не мог он вчера там быть...» – думал Жора о местном воре, подразумевая под «там» место происхождения. Только вчера кончился срок пребывания Дубовца в лечебно-профилактическом учреждении за пределами Белоруссии, и только со дня на день ждали его в родной деревне. Все ж остальные жители окрестных хуторов и деревень были честными колхозниками, и заподозрить во вчерашней краже было просто некого кроме каких-нибудь сорванцов. Правда, был у Дубовца всё тот же единственный друг Мишка Кривой, младше пятью годами, но и того, кроме школьной дружбы с подозреваемым и совместного посещения кружка «умелые руки», заподозрить было совершенно не в чем. А в последнее время Кривицкий, как была его настоящая фамилия, и вовсе взялся за ум и кроме женитьбы поступил, говорят, в радиотехнический на вечерний факультет, работая днем где-то на непыльной работе при науке, а со слов старушки-матери и старших братьев, получал как будто бы даже деньги за какие-то рационализаторские изобретения... Сказать по правде, и приемник, и магнитофон могли быть сделаны Михасем Кривицким и подарены старшему другу, но старый пенсионер, бывший преподаватель математики идалинской школы, всегда сочувствовавший Косте Дубовцу и сокрушавшийся судьбой способного ученика, твердо свидетельствовал и подтверждал, что и приёмник и магнитофон были собраны из деталей, подаренных шефами с завода «Горизонт», приезжавшими каждый год копать в колхозе картошку. А собраны были они собственноручно Дубовцом, помогавшим ему проводить занятия в кружке, а частенько и заменявшим его самого во время болезни... ибо многое повидал в жизни руководитель кружка «умелые руки». Откуда, однако, в хате у Дубовца японский телевизор, оставалось и для него неразрешимой загадкой. Увы! За эту-то загадку и отбывал свой последний срок тот, кого местные потерпевшие любовно называли Константином и, утирая слезу, говорили: «Сиротка... Да попроси он у нас, разве ж бы мы не дали? Мать-покойницу жалко, царство ей небесное!» Но Дубовец не просил. На вопрос,

однако, «может быть, не он украл?», – ибо улики кроме факта пропавших яиц или загулявшей курицы не обнаруживалось никаких – бабки дружно кричали; «Он, он! Он – вор!», ибо нигде не работавший Дубовец продолжал есть, пить и по-прежнему существовать в деревне Идалина. «А посадите-ка его в тюрьму! Мать-покойницу позорит только!» – расходились вдруг пуще бабки, в которых неожиданно просыпалась злость и даже ненависть к ближнему-тунеядцу. Бывало, уж из лесу выйдет заблудившаяся курица, или узнает бабка, что внучка втихую яйца дачникам продавала, – да лежат уж жалобы на Дубовца... Жалобы эти накапливались, и приходилось участковому принимать меры... Зато как же радовались эти иудины дочери, когда у Константика кончался срок. «Слава богу!» «Нех бэнде! Нех бэнде пахвалёны...» «Нех бэнде пахвалены Езус Христус! Вышел наш Константики!» – только и слышалось через заборы из огородов.

«Не мог... Не мог он вчера вернуться!» – думал между тем Жора, не желая ступать на вроде бы лёгкий путь.

«Жорочка, не спеши!» – говорила в таких случаях его родная мама, хорошо знавшая горячий характер сына. – Главное: не спеши! Прежде всегда подумай...» Дед же, коренной одессит, всегда твердил: «Что главное в жизни, молодой человек? Главное – не упустить момент!» И у Жоры выработался свой характер, основывавшийся на правиле: «Всегда подумай, и момента не упусти!» Поэтому и отбросил он версию Дубовца, шагая вдоль длинного картофельного огорода. Оставалась только версия пастушков-подростков, о семьях которых он тоже успел выяснить всё перед отъездом. Было-то их тут на деревню две семьи! «Думай, думай...» – твердил себе Жора, оставляя позади картофельные сотки и старый сад с выглядывавшим из яблонь гумном. Вот и заросшая сиренью хатка: на крыше – аистово гнездо в автомобильной покрывке, а вместо калитки – зияющий проход в заборе... А когда у самого дома дорогу ему перебежала полосатая кошка и, воровато оглядываясь с хищно зажатым в зубах любопытным предметом, шмыгнула в придорожные кусты на другой стороне улицы, Жора тотчас сказал себе: «Не упустить!...» Ибо то, что держала в зубах кошка, было ни чем иным, как утиной головой – при чем не какой-нибудь там, а изящной головкой самой настоящей дикой утки, обрезанной по самые шейные позвонки. Основываясь на этом неожиданном факте, Георгий Сергеевич Лихачев и решил строить своё расследование.

– Тра-та-та! – прошили его как нельзя кстати очередью из самодельного автомата.

Деревянное дуло выглядывало из продырявленной картонной коробки, валявшейся посреди дороги между домом и огородом, что вела на просторный двор. Коробка была большая. «Made in Japan», «Открывать здесь» – было написано сбоку, и рядом был нарисован китайский термос. Коробка приподнялась и побежала от Жоры на тоненьких ножках с грязными коленками.

Отбежав на безопасное расстояние, маленький замурзанный Лёник скинул с себя коробку и предстал перед следователем во всей красе, с автоматом наперевес и сверкая голым животом из-под задравшейся майки.

– Тра-та-та та-та! – ещё раз прошили автоматной очередью незваного гостя.

– Добра стреляешь! – похвалил Жора. – Батяка на охоту берёт?

– Не-е... – обиженно протянул белобрысый Лёник и шмыгнул носом, вспоминая какую-то свою обиду.

– А сам-то ходит?

Мальчик кивнул. Насупившись, опустил автомат.

– Да тут... и леса-то, как погляжу, приличного у вас нет... – решил схитрить Жора.

– Лепш гляди! – насмешливо осадил ребенок. – За вёску, вунь, хадить трэба. На Чэць-верць... – и показал автоматом куда-то за свою хату.

Из-за зелёных раскидистых кленов виднелась ещё одна крыша. Деревья и впрямь скрывали синевшую вдалеке полосу леса.

– Да, разве, приносит что твой батька?

– Трёх качак заучора прынес. Падбиу болей... Але Рэкс, паскуда, не усих падабрау...

– Значит, и ружье у твоего батьки есть?

– Ё-о... – протянул Лёник. – Нех бэнде ён... паскуда... – Не разобрал дальше Жора, лишь смутно догадываясь, что опять было сказано что-то нехорошее про Рекса.

«Так держать!» – похвалил себя мысленно Жора, а вслух сказал:

– Что утки! Я, бывало, на кабанов ходил... – и, вздохнув, поглядел на крышу, где шумно вдруг замахал крыльями и затрещал в гнезде длинноногий аист.

– И утки добра, – сказал на это ребёнок. – Кабанов батька только в зиму бье... Кабаняты ящэ малые...

Аист ещё сильнее затарахтел в покрывше.

И опять похвалил себя мысленно Жора и хотел было задать следующий вопрос, но в глазах Лёника мелькнул испуг и начала формироваться какая-то запоздалая мысль... Малыш с подозрением исподлобья взглянул на Жору.

– Ну-ка, дай поглядеть! – поскорее заинтересовался тот автоматом, не давая сформироваться этой мысли, и снял с плеча у Лёника самодельное оружие на ремешке.

– Нет!.. С таким на танк не пойдешь! – с деланным сожалением заключил Жора и, резко замахнувшись правой рукой, сделал вид, будто бросает гранату... Ибо хорошо знал, что у каждого пацана в здешних местах есть, как минимум, припасённая где-то лимонка, доставшаяся по наследству от деда. Потом оглянулся и хитро подмигнул малому. – А?..

– Ё-оо! – засиял Лёник. – Айда покажу! – и, обрадовавшись, что догадался, лихо махнул автоматом, приглашая гостя за собой во двор.

Верный Рекс, лежавший под окном хаты, приподнял голову и зарычал. Лёник цыкнул на собаку по-хозяйски. Пёс умолк, лениво вытянулся на траве, виновато завилял хвостом. Выводок чёрных котят у порога, завидев Жору, бросился врассыпную. И пока он, едва поспевая за малышом, шагал вверх между хатой и огородом, поднимаясь к хлеву, что стоял в конце большого, выклеванного курами двора, на пути их то и дело попадалось и путалось под ногами несметное количество собак и кошек всех возрастов. Котята сигнажили в одну сторону и, выпустив цепкие коготки, ловко взбирались по стенке хаты, исчезали под крышей. Кошки бросались в другую сторону и шмыгали через плетень. Собаки, дремавшие у плетня в тени яблонь, вскидывали со сна морды и принимались рычать, пока Лёник не цыкал на них сердито, после чего они вновь устраивались в мирных позах.

«И впрямь хозяин на кабана ходит!» – подумал Жора, насчитав ещё трех собак. Кошек же было не сосчитать... а котят – пропасть, как звезд в небе.

«И чем они их всех тут кормят, однако?..» – подумал было поставский следователь, но тут на него, грозно забренчав цепью, так рывкнула пятая крупнейшая овчарка, что все подозрения мигом улетучились из головы. Жора обомлел от страха.

– Лежать, Шарик! – знакомо уже, по-хозяйски прикрикнул Лёник, и двухметровый Шарик-волкодав нехотя отступил, взрывая лапами землю злобно и оскорблённо.

– В будку, халера! – повысил голос хозяин, доводя дело до логического конца. Шарик повиновался – с трудом залезая в будку, доверху засыпанную сеном, добрый стог которого был навален в конце двора. Путь к дверям хлева был свободен.

«Хлев», построенный ещё «за польским часом» самим Фомой из добротных сосновых бревен, высился, как дворец, на самой вершине холма. Домишко же, в котором уютилось сей-час лёниково семейство, и стоял пониже, в пыли у самой дороги, и сам был ветхим – серый и покосившийся, как все Шабановские хаты, построенные при панах для батраков и позже, при коммунистах – для колхозников, делавших первый шаг к светлому будущему путем уничтожения хуторов. Окна в халупке были совсем маленькие, слепые. Рамы, однако, были выкрашены ещё недавно ядовито-синей краской, как почему-то и по всей деревне. Крышу тоже, кажется,

успели подновить – местами на ней белел новенький шифер. Крыша же «хлева» так искусно была покрыта дранкой, что, по крайней мере, в ближайший десяток лет не нуждалась, по видимому, ни в каком ремонте.

Двери «хлева», плотно закрытые и хорошо пригнанные, были на каких-то хитрых пружинах, хотя и ржавых, и тотчас захлопнулись за вошедшими. В нос Жоре ударил коровий запах навоза и теплого молока... Это, действительно был хлев. В стойле, однако, было пусто, только кабан повизгивал и похрюкивал за перегородкой. Свернув за Лёником в какую-то дверь направо, Жора неожиданно оказался в другой части хлева, похожей больше на захлавленную мастерскую с полками вдоль стен, полными всякого барахла! Помещение было столь просторно, что теперешние хозяева приспособили его под сеновал, и сено, видимо, забрасывали вилами со двора через большое окно, закрывавшееся в свое время изнутри хорошо пригнанными деревянными ставнями, снабженными, опять-таки, какой-то хитрой пружинной системой для автоматического захлопывания. В настоящее время ставни были приоткрыты. Сломанные ржавые пружины торчали во все стороны, и в щель просачивался пыльный свет. Под стеной валялись лопаты и два тяжелых лома, какими колют лед.

Жора увидел за окном двор и стог сена. Стекла не было. Видимо, его вынули вместе с рамой, а точнее, раму, которая оказалась здесь же, прислоненная к стене, выставили целиком, чтобы забросать со двора сено, добрая половина которого уже навалена была в углу до самого потолка.

– Вот халера! – сказал Лёник, взглянув на кучу, потом принялся яростно разгребать её обеими руками у основания, прямо-таки выюном ввинчиваясь в сено. И пока малый пытался, видимо, отыскать в стогу нечто, похороненное там, как с облегчением можно было предположить, до следующих сенозаготовок, Георгий Сергеевич решил приоткрыть ставни и начать, наконец, собственные поиски.

«Так держать!» – сказал он себе, разглядев в противоположном углу висевший на гвозде старый кожух. На другом гвозде, чуть повыше, угадывалась полоска ремешка. Дело было сделано на пятьдесят процентов. И ставни не надо было открывать. Жора знал, что там, на стене, за вытертой порыжевшей овчиной он найдет то, что ищет. Оставалось только убедиться в том лично, а для этого добраться до противоположной стенки через весь этот хлам: груды запыленного тряпья, заржавевшие тракторные запчасти, наваленные в ужасающем беспорядке старые ведра и сапоги. Обойдя банки с красками и олифой, тоже ржавые, Жора оглянулся на пацана, продолжавшего разгребать стог, и только успел пожелать в мыслях, чтобы не отыскалась сейчас эта чертова граната, с которой не известно что теперь делать, как нога предательски поскользнулась на чем-то склизком... и поехала как по маслу... Будь посветлей, Жора бы разглядел, что то была кучка свежего куриного помёта. Но света было всё-таки недостаточно. Да и было не до того. Жора только услышал, как загремел опрокинутый им чугун, зазвенели бьющиеся бутылки с олифой, и успел подумать, что вот-вот угодит носом в зловещего вида борону на куче каких-то досок... Но что-то спасительно задержало вдруг скользившую Жорину ногу. Он почти удержал равновесие и уже не носом, а только левым локтем угодил в развалившиеся тотчас доски. Жора чихнул и, посмотрев на подошву своего ботинка ещё неведомой здесь никому фирмы «Адидас», тотчас вытер её о то, что, брошенное на пол в мешке, так удачно задержало его падение.

Предмет не сдвинулся с места.

Ощупав предмет носком и ещё раз вытерев об него хорошенько обе ноги, Жора предположил, что это, по-видимому, какая-то очень тяжелая болванка или гаечный ключ от трактора. В конце концов, сложив доски и осторожно переступив через ведро с белилами, он снял с гвоздя овчинный тулуп. Под тулупом на истёршемся ремешке начищенным дулом вверх висело именно то, что и нужно было сейчас молодому поставскому следователю. Он снова прикрыл тулупом так удачно найденное ружьё. Решив, что больше тут делать нечего, следователь как-

то воровато оглянулся, бросив взгляд в приоткрытое окошко, и совсем не зря! Из ольшаника на другой стороне дороги, за которым проглядывали стены колхозной фермы, показалась женщина в белом платке, державшая в руке ведёрко. Она вышла на луг и быстро приближалась к дороге.

– Эй, Лёня! – поманил Жора к окну. – Кто это там идет?

– Як черти куды схавали! – отозвался малец, стряхивая с себя сено. – Не найти халеру!

– Давай-ка скорей! – поманил рукой Жора.

Мальчик мигом оказался рядом, без труда преодолев все препятствия. «Привык, видно!» – вздохнул следователь, не без зависти разглядывая хилого белобрысого Лёника. Солома предательски украшала неровно стриженные вихры, не отличаясь по цвету от волос.

– Ой!.. Мати! – вскрикнул он, выглянув из окна. – Айда отсюда! Може, знойдем ящэ кали...

«А лучше вообще не «знойдем!» – с надеждой подумал Жора.

Они с Лёником мирно сидели на лавке у крыльца, когда послышались торопливые шаги, и тотчас же из-за угла хаты выскочила маленькая юркая женщина в повязанной по-деревенски косынке. На хозяйке был неопределенного цвета передник поверх выцветшего цветастого платья и чёрные резиновые боты на босу ногу.

– А кыш-ш! Малым не дадут паесць! – закричала она на котов, наливая из своего ведра чего-то в миску прыгавшим с крыши котяткам.

Кабан, заслышав голос хозяйки, так завизжал и принялся стучать в перегородку, будто намеревался разнести хлев изнутри.

– Дам, дам и табе! – гортанно закричала хозяйка с ненавистью в голосе. – Стихни! – схватила стоявшее у порога ведро с размокшими хлебными корками, плеснула молока и туда и, успев поздороваться с незнакомым человеком, с ведрами в двух руках, исчезла в хате.

– Хозяин на сене! – крикнула из сеней, сыпанув в корки пару пригоршней темноватой муки из большого полиэтиленового мешка и, низко наклонившись над ведром, стала быстро размешивать всё одной рукой. Взгляд её через открытую дверь упал на Жору сосредоточенно рассматривавшего стог посреди двора.

– А дзе Тадик, халера? – закричала она, тоже посмотрев на стог... Чаму сена не закидау?

Не знал Георгий Сергеевич, что ещё сегодня от всей души поблагодарит Тадика за нерадивость и за то, что не закинул он это сено в хлев, ибо стог этот спасёт Жоре жизнь.

– Он-то мне и нужен, – официально проговорил следователь. – Сын ваш Тадеуш, что пас на озере вчера коров...

– Нема чаго яму там было рабить, – враждебно сказала женщина, выпрямившись над ведром и только сейчас присматриваясь к форменной рубашке следователя. – На ферме раблю дояркой, и корова моя с колхозными. Не пасвим мы в Шабанах...

Не знала она, что созвонился Георгий Сергеевич с этими самыми Шабанами и знал, что работает мать кудрявого Тадика на ферме, и нету у них коровы, а есть телушка. И, да, пасётся эта телушка с колхозным стадом... но не даёт ещё молока. Но не ведала о такой осведомленности усталая задерганная жизнью женщина, иначе б не прошествовала со своим ведром в хлев мимо следователя, не удостоив его ни единым взглядом... А в ведре было больше белого, чем разбухших корок.

Жора молча последовал за хозяйкой, решив поговорить наедине.

Некоторое время из хлева доносилось лишь удовлетворенное чавканье кабана. Интеллигентного голоса Жоры было почти не слышно.

– Нема чаго его кликать! – крикнула в ответ хозяйка. – Батьке дапамагае! Сено грабить!.. Вновь послышалось воркование Жоры.

– А чтоб вас халера! – выскочила из хлева хозяйка. – Якия удачки? Не крау ён нияких удачак! Шукайте, дзе хатите! – раскрыла она двери в хату. – Няма у нас ваших вудачак! Николи ён ничога не крау!

Надо ли здесь говорить о том, что не стал Жора искать в хате, хотя и подошел к хозяйке, которая, стоя на крыльце, спокойно ждала обыска, и стоит ли подробно рассказывать, как быстро закончил он так удачно начатое расследование, направившись обратно в хлев.

– Беги да батьки... – сказала Лёнику мать, обречённо глядя в спину следователя.

Потом было найдено висевшее на гвозде за старым тулупом незарегистрированное ружьё и предъявлено оторопевшей хозяйке, и предложено было хозяину явиться завтра в милицию заплатить штраф и разобраться с незаконным хранением незарегистрированного оружия. Потом полунамеками было сказано ещё несколько фраз – об удоях на ферме, о телушке, об отдыхающих на озере заслуженных и уважаемых людях и о том, что украденные удочки должны быть найдены непременно сегодня. Иначе начнется никому не нужное, неприятное расследование.

Кабан за перегородкой затих. Женщина молча теребила передник – красной, обветренной, со вздувшимися венами рукой, и Жоре стало неловко и совестно перед нею – со стыдом отвел взгляд от её руки. Но женщина уже вытерла передником глаза и вышла во двор.

– Та-адик!! – так громко закричала она, со злостью посмотрев в сад, на крышу торчащего из яблонь гумна, что Тадик, спавший на сеновале, проснулся и тотчас же, заспанный и удивлённый, прибежал к матери.

– Ах, ты, Иуда... – всадила она сильную не по-женски руку в его каштановые вихры и с силою потащила к следователю, стоявшему у дверей хлева.

Похожий на мать, кареглазый и коренастый Тадик, потупясь, застенчиво, как девица, старательно отвечал на задаваемые ему вопросы, явно страдая и желая изо всех сил успокоить тихо плакавшую рядом женщину...

Жора слушал вполуха и с волнением смотрел на Тадика, в его глаза – такой это был красивый мальчик, прямо-таки, голливудский актер. И совсем не похож на брата! Мечта любой матери – иметь такого сына. Сбылась в данном случае материнская мечта, и ещё как сбылась! Лёник тоже взирал на брата – худосочный, бледный до синевы – то увлечённо ковыряя в носу, то засовывая соплю в рот. Он совсем не походил на мечту. Наверное, родился, когда бедной женщине стало уже всё безразлично от непосильной работы. Но каков старший! С удивлением рассматривая его лицо, улыбку и какое-то особенное сияние выразительных лучистых глаз, Жора вздохнул, вспомнив вдруг, что какая-то Шурочка с ним дружит! Неудивительно! Какая стать... А взгляд! А тёмные выющиеся волосы, золотом отливающие на солнце!.. Да они просто как на картинке обрамляли по-настоящему благородные черты... и такая, такая красота! «Какая же это всё-таки сила – красота», – подумал Жора и с ужасом вдруг одёрнул себя: «Что это я, словно голубой? Да неужели, чёрт возьми?... Нет!»

Нет, конечно же, дело было не в этом, хоть Жора был не женат и местные девушки его как-то не привлекали. Зацепило Жору это удивительное лицо. Какое-то итальянское, из эпохи Возрождения, прямо-таки со старинного портрета ихних мастеров – Рембранта там или Леонардо, хрен их разберет, Жора этим вовсе не увлекался, только почувствовал – веяло здесь настоящим итальянским возрождением. И ясно стало теперь, что Лёник – типичный продукт вырожденческой «брежневской» эпохи. А тут! Тут – корни, старый чернозём. Тадеуш Костюшко какой-нибудь или этакий Радзивилл Сапега!! Польские это были корни или еще глубже из Европы – черт их знает, какие они тут были. Да ведь и всегда здесь была Европа. Была, пока русские не затоптали. Топтали, топтали все славянские братья подряд – от Ивана Грозного до Суворова с коммунистами – и получилась деревня Шабаны. А ведь, начнешь читать – любая занюханная дыра, вроде Сморгони, имела Магдебургское право. Да почитай хоть ихнего Завальню, сказки про глубокую древность: стояли повсюду костёлы, замки и города, пока не пришёл с

востока разбойник по имени Княже и всё разрушил! И ведь стоят же в Поставах и до сих пор дома четырнадцатого века – старинные, такие ж, как в Вильнюсе или Риге, не отличишь, и по прочности будут не хуже тех, что нынче строят, так ведь – четырнадцатый же век! Что в той Москве от четырнадцатого века осталось? Да ничего! Что они умели тогда, кроме как воевать? Эх! Да что там говорить? А речь какая была у Тадика! Какой язык! Голос!.. С одной стороны застенчиво, душевно он страдал за мать, отвечая на Жорины вопросы тихим голосом, и это отражалось в его интонации, глубине. А с другой стороны: разговор совсем не как у матери, чистейший русский язык, книжный, даже не как у всякого городского мальчишки... И вскорости Жора понял, с досадою ощутил, что в чём-то он допустил ошибку или просто пошёл не по тому следу... ибо была у Жоры интуиция, которая всегда теперь поддерживала и выручала по службе. Научился, ох научился Георгий Сергеевич, в отличие от других ценить и тщательно скрывать этот дар... В данном случае интуиция говорила: не врёт Тадик. Не крал он никаких удочек, и нечего тут больше делать. И понял Жора, что непростительно теряет время. Но опять-таки, и скрывал что-то сейчас этот красивый деревенский мальчик – что-то своё... Оттого и нервничал, и дрожал, не отрывая потупленного, из-под ресниц, взгляда от босых своих ног. Но не интересовали следователя ребячьи тайны. Он опять почувствовал ту неловкость перед усталой женщиной, огрубевшей от бесконечной работы... Ту неловкость, что всегда загонялась им в самую глубину души при общении с жителями этого края, так по-детски не умевшими никогда постоять за свои интересы, в отличие от его собственных земляков, которым просто так палец в рот не клади. И пристыженный почему-то Жора хотел было попрощаться и мирно уйти со двора, но почувствовавшая это женщина встала у него на пути:

– Не-не панове! Знойде ён гэтыя вудачки! Адшукае вам... А инакш, ниякой яму не буде вучобы, не убачыць ен ниякого гораду...

Снова ухватила она за шиворот собиравшегося было улизнуть сына и, твердя, что не видать ему учёбы в техникуме, как своих ушей, если не отыщет он этих удочек, кто бы их не украл, потащила через двор силой, разгоняя оторопевших собак.

– Дачакаецца! – повторяла она. – Вось як бывае, кали ноччу чытають книжки, а днём спяць і нічога не робяць... Да каб вучэбнікі чытаў! – горько закончила на высокой ноте и, повернувшись к следователю, чуть не наступила на Рекса, при этом выпустив воротник сына, но тут же снова схватила его – за локоть и повела к калитке.

Рекс увязался за всеми следом.

– Ведаю, хто той злодей! Да Манюся пойдём, да Фаньки!

Дом бригадирки Фани, открытый всем ветрам, потому что вокруг, в отличие от усадьбы скупого Фомы, не было посажено ни единого деревца, стоял по соседству, на самом высоком месте холма. За ним лежало болото с редкими дубами в ольховом хмызняке, а дальше начиналась деревня – как говорили обитатели холма: «вёска».

Окно хаты было открыто, на подоконнике стоял портативный магнитофон, извергавший на всю округу дикие звуки современной музыки.

Залаяли собаки, унюхав, видимо, чужаков, и наружу выглянул белокурый длинноволосый юнец в майке «под фирму» с нарисованной на ней такой же патлатой девицей и какой-то иноземной надписью на груди.

Юнец скрылся, и на минуту, пока все поднимались к крыльцу, магнитофон умолк. Затем зазвучала более тихая музыка. Жора уловил мелодичные аккорды «The Yellow Submarine» в кастрюльном исполнении, но о чём говорила мгновенно ворвавшаяся в хату мать Тадика, всё равно нельзя было разобрать, ибо окошко, под которым им велено было ожидать, тотчас захлопнулось. Только какой-то приглушенный звон, грохот да знакомые гортанные звуки низкого голоса разъяренной женщины доносились во двор.

Минут через пять длинноволосый Манюся был выведен за шиворот из дому и с глазами, опущенными долу, поставлен перед следователем.

– Ну!.. – сдерживая гнев, напомнила тадикова мать.

– Пойдем... – как-то странно посмотрел на своего товарища длинноволосый Манюся и, поведя головой, многозначительно указал глазами в сторону тадикова дома. – Пусть ищут...

– Ты что? – в ужасе прошептал Тадик. – С ума сошел?

– Нехай... – успокаивающе кивнул друг. – Хай шукають...

Тадик вдруг изменился в лице и в слепой ярости вот-вот набросился бы на Манюся с кулаками, но мать схватила его за грудки.

– Да, ты!.. – задыхаясь, выдавил из себя Тадик, пока мать не закрыла ему ладонью рот.

– Да жизни она не даст, – еле слышно оправдывался Манюся. – Подумаешь...

– Веди-веди! – набросилась теперь уже на несчастного Манюся сама бедная женщина чуть ли не с кулаками и, подталкивая, погнала впереди себя.

Все двинулись знакомым путем обратно и под неистовый лай Рекса, пытавшегося перекрыть хор здешних собак, спустились через двор с горки. Мать Тадика задала такой темп, что Жора с трудом нагонял ее, да при этом едва мог отдышаться. Когда пошли по дороге, Манюся отстал.

– Не вздумай... – попытлся сказать еле-еле поспевавший за всеми Тадик. – Слышишь?!

Жора услышал звонкий шлепок по чему-то мягкому.

– Не бойсь... – так же загадочно отвечал Манюся, отворачиваясь от друга только после следующей оплеухи. – Не стямлють...

На Тадики не было лица, и Жора, лихорадочно думая – что же он упустил? – не заметил, как оказался у знакомых уже ворот хлева.

– Там... – показав глазами на дверь, промямлил Манюся.

Тадика бил озноб. С дикой какой-то, сумасшедшей мыслью, которую не в силах был высказать, сжигал он глазами друга.

– Хай сами, – успокаивая, сказал Манюся. – Шукайте... – и сосредоточившись на чём-то в себе, закрыл глаза.

Жора нерешительно застыл у ворот, и только когда всё ещё по-прежнему разъярённая тадикова мать ворвалась в двери, следом за ней переступил порог. Две фразы, услышанные им в крошечной тьме сквозь захлопнувшиеся двери хлева, наполнили сердце Жоры каким-то нездешним леденящим ужасом, не позволив двинуться с места.

– Он хоть знает, какие удочки? – встревожено прошептал Тадик. – О чем они говорят?

– Я знаю... – чуть слышно ответил Манюся. – Видау... За палаткой лежали...

Потом что-то лязгнуло. Раздался странный звук, и словно тяжелый мешок упал на землю. Приглушенные стоны и хрипы, смутно мерещившиеся Жоре в темноте хлева, где рядом по-прежнему хрюкал и повизгивал черный боров, длились минуты три, а сам он всё не решался нащупать ту дверь в стене, за которой скрылась хозяйка. Наконец, он услышал её обрадованный хриплый голос где-то справа:

– А вунь яны куды захавали!.. Супастаты!

Жора отворил дверь. Ржавая борона была сброшена на пол, куча досок, которую он недавно сверзнул, – раскидана была опять, а из-под них выглядывало что-то оранжевое и большое. Скорей всего... Но Жора не успел додумать. Хозяйка радостно повернула к нему свое веснушчатое лицо и протягивала что-то длинное, в чехольчике – складные удочки из превосходного бамбука.

– Каб их халера! – обрадовано, по-детски смотрела она на Жору. – Прастите вы гэтых хлопцав! Хай в техникум паступаюць...

– Да-да... Конечно... – растерянно ответил Жора, принимая удочки из её рук. – А это... Ружьё... как-нибудь зайдите зарегистрировать... – и он чувствовал почему-то, что никто тут не виноват и наказывать вообще никого не надо. И оттого, что что-то он не усёк и чего-то не

понял, – впервые в жизни повергло его в непонятное критическое состояние, за которым, как правило, для человека начинается новая полоса жизни.

Нечто новое ждало его и за порогом хлева. Два друга, сцепившись, катались по выщипанному курами двору и не на шутку – всерьёз пытались вырвать друг другу всклокоченные волосы.

– Ах, вы! – крикнула на них хозяйка и засмеялась, оглядываясь на Жору. – Сами себя, дуренькия, пакарали...

Майка «под фирму» была разодрана до пупа. На лице у Тадика багровел уже вздувшийся под глазом след дружеского кулака, и всё это напоминало съемки звезды-киноактера в роли беспризорника. Сам он, растерянно отводя взгляд от Жоры, уже подходил к матери с виноватым видом.

– Да батьки пойдешь, – строго сказала она. – Мне на ферму пара. Сена потым гэта закинешь. Увечар.

Тадик опустил голову, прикрывая ладонью глаз.

– Заходите... – обратилась она и к Жоре, показавшемуся ей почему-то обиженным городским мальчиком. И бог весть почему добавила:

– За яблыками приходьте. Надта сёлета многа.

А Жора, осторожно прикрыв калитку, которая, как оказалось, крепилась проволокой к плетню, со странным чувством подумал, что никогда в жизни не позволила бы ему гордость вот так завершить расследование среди своих собственных земляков. Чёрт знает что! Разучишься тут работать...

Но не это тревожило его по дороге обратно, когда шёл он вдоль длинного картофельного поля с удочками в руке. Что-то другое зудело из подсознания. Что-то было ещё, что скрывали эти деревенские ребята, и о чём было ему не догадаться...

«Сено потым закинешь!» – слышался ему голос хозяйки сквозь медленный скрип калитки. «Сено...»

«Упустил...» – говорила ему интуиция. Что-то главное он упустил. Но что?

За озером тарахтел трактор. Слышно было, как по дороге за лесом несётся мотоциклист. Он вспомнил тяжёлую ржавую борону на пыльных досках, и как больно стукнулся об неё локтем... Тяжёлую! Вдруг до него дошло. Каким же тяжёлым должно было быть то, что лежало в мешке на полу и к счастью вдруг задержало скользившую Жорину ногу!

«Кот в мешке!»

Чёрт знает что! Жора знал, что вернуться надо, пока не поздно. Он чувствовал – всё равно вернётся, такой уж у него был характер. Не мог, как с первых дней школы, поступить несвойственно этому характеру – оставить непонятой формулу по физике или не дорешать трудную задачу до конца. Не мог упустить момент!

Надежно запрытав удочки в заросшем травой окопе, Жора зашагал обратно.

На подворье стояла мёртвая тишина. Солнце жарило немилосердно. Собак как будто ветром сдуло. О них-то Жора не вспомнил, но всё было ему на руку.

Открыв двери хлева, он вошел в захламленную мастерскую и растворил ставни. Припёр их к стене пудовыми железяками, не без труда подняв два тяжелых лома.

В окошко сразу же хлынул яркий свет. Сердце у Жоры так и ёкнуло... Там, где лежало что-то в мешке, валялась овчина – чёрная, новенькая, с длинным ворсом.

Приподняв мех, Жора увидел знакомый уже мешок и попробовал поднять с полу. Но не тут-то было! Мешок был завязан тесьмой, и этот конец приподнялся, но то, что лежало в мешке, по форме напоминавшее болванку или гантель размером с продолговатый электрический фонарик китайского производства, имело такую массу, что факт существования этой массы опровергал все почерпнутые Жорой сведения не только из курса физики средней школы, но из университетского курса этой сложной науки. «Гантель» словно приросла к полу.

Проще было развязать мешок, хоть узлы дались ему не без труда. И, о чудо! Как только он сунул туда руку, другая рука запросто подняла мешок вместе с находкой. То, что извлёк Жора на свет божий из шапки-ушанки, было завернуто в чёрную шёлковую тряпицу, а, отбросив материю, Жора с удивлением уставился на сделавшуюся вдруг попросту невесомой какую-то штучковину, завязанную в чёрный шерстяной чулок. И то, что было в чулке, сияло непонятным образом через ткань, как короны принцесс на детских рисунках. Пришлось развязать вторую тесёмку.

Глаза зажмурились от яркого света... И не передать, что пережил Жора в одно мгновение! Мир словно тысячу раз взорвался на куски и собрался вновь. И главное – сам он как будто разлетелся на атомы и слипся из них опять! Никогда не чувствовал он в себе такой силы, такой энергии и неимоверного подъема духа, как после этого невероятного превращения...

В руках у Жоры сияло ослепительное нечеловеческих рук творение из красивого серебристо-золотого металла. И самое удивительное, что сразу же привело Жору в некое, подобное ступору, неосмысленное состояние – эта удивительная штучковина вдруг дернулась у Жоры в руках и, обрета ускорение, потянула его вместе с собой к окну.

Мёртвой хваткой зажал Жора неизвестный предмет. Интуиция вдруг сработала, и он понял: главное – свет. Тряпка, валявшаяся под ногами, попала ему на глаза, и он потянулся к чёрной тряпке изо всех сил! Но до ткани не дотянулся и вдруг... повис в воздухе. Ноги оторвало от пола. Так, под углом к нему градусов в сорок пять, ногами вперед, прижимающего к себе «нечто» – и вытянуло Жору через окно.

«Мама!.. Лечу!» – подумал он с ужасом, увидев под собой стог сена.

Интуиция сработала во второй раз и спасла Жору. Он вовремя сообразил, что кончит почти как скупой Фома, только свидетелей при этом не будет. Прощаясь со своей жизнью, увидел он с высоты двор, хлев и стог сена посреди двора и, сказав себе «Будь что будет!» – в первый раз не послушавшись дедова совета, выпустил из руки неизвестный предмет. Перевернувшись почему-то через голову дважды, головой вниз полетел в солому.

Но что значит желание «не упустить»? Не почувствовав боли в хрустнувшей правой руке, которую, приземляясь, интуитивно выставил вперед, Жора сел на соломе и заворожено уставился в небеса. Сверкавшая золотая точка, излучая удивительно яркий свет, неслась точно вверх над его головой – как дым от костра в безветренный ясный день. Но вдруг она замерла – всего на миг и, внезапно изменив направление, полетела к солнцу, уже клонившемуся над деревней.

И тут Жора потерял сознание от боли.

Глава 5. Путь в Идалину

Случись такое на Дерибасовской, то есть, попросту говоря, сломай Жора руку как-нибудь в жаркий полдень, посколькунувшись на тротуаре под окнами шумящего вентиляторами и дразнящего запахами ресторана или даже у безлюдного в этот час гастронома, Жоре бы и шагу не дали ступить. Тотчас сбежались бы сердобольные общительные южанки в разноцветных ситцевых сарафанах, какие-то дамочки с зонтиками, умаявшиеся встревоженные официантки и праздные накрахмаленные продавщицы из мясного отдела... И лежал бы Жора на мостовой в их щебечущем окружении, как раненый античный герой, дожидаясь санитаров и «скорой помощи»... Здесь же ни единой сочувствующей собаки не было во дворе. Ни зрителей, ни «скорой помощи», и лежал он, один, как перст, бесславно погребенный в стоге сена... Вечером придет Тадик, возьмёт вилы, чтоб закидать это сено в сарай, да как размахнётся!.. Нет-нет-нет!

Сколько он здесь пролежал, сказать было трудно. Он потерял счёт времени.

Жора в ужасе попробовал встать... Но, ой, мама! Стало ещё хуже!

Рука тотчас же превратилась в совсем чужую бесчувственную колоду, а при малейшей попытке движения в ней просыпалась адская боль. Даже пальцами было пошевелить нельзя. Где там пошевелить! Вон-вон под кожей торчит... Нет, к счастью, только лишь выпирает из-под багровой кожи обломок кости! Нешуточный, кажется, перелом. Но в данной сложившейся ситуации все это было как бы между прочим. Да, болела рука, болела! Ох, как болела... И, бросив взгляд на брошенный у крыльца самодельный лёников автомат, с блаженным несбыточным вожелением он подумал... подумал лишь об одном: «Повесить бы этот автомат через плечо, положить бы на деревяшечку эту колоду, чтобы не висела она мертвой свинцовой плетью, выворачивая дикой болью плечо и стреляя огненными искрами до мозгов при каждом шаге». И с нахлынувшей волной тошноты как-то по-идиотски подумалось, что все автоматы вообще удобны только для шинок – руку сломанную вот так опереть, и все они вместе взятые – шинки для тупых мозгов, в шинках нуждающихся, а потому вместо дельных действий и мыслей производящих эти самые шинки для своей хромой, колченогой и в свою очередь нуждающейся в них системы... Тьфу, чёрт! Что только не лезет в голову!.. Ох, как болит! И поплыло, поплыло все перед глазами у Жоры... Но, пересилив боль, он только проводил взглядом валявшуюся у крыльца игрушку и, поддерживая левой рукой горевший огнём локоть, двинулся через двор.

Шагая вдоль длинной глухой стены, глядя в сад сквозь дырки плетня, то и дело переступая через шмыгавших под ногами кошек, Жора думал лишь об одном главном факте, перед которым только что поставила его жизнь. И пускай само это «невероятное» – Жора упустил, тем не менее, факт оставался фактом, Жора это понимал прекрасно. Он не был сомневающимся интеллектуалом от природы, не страдал рефлексией и привык доверять своей психике, поэтому всякий факт принимал как данность. А этот чрезвычайный факт, как всё удивительное, редко встречающееся в обычной жизни, – тем более, принял как данность, которую упустить нельзя. Да и время-то, само время вокруг было другое! Не «уэллсовское», и даже не «булгаковское» уже время! Подготовила, подготовила-таки хоть и плохонькая наша фантастика мозги рядового нашего обывателя – даже их подготовила к встрече с этим самым «непредвиденным»! Невероятным... И трагедия этого времени была уже не в том, что человеческие мозги не подготовлены были для будущего или для чуда – трагедия была в том, что чудо-то это, как и будущее, обещанное уже литературой отнюдь не фантастической, не наступало... Не было чуда, и будущего тоже не было. Все жили в каком-то затянувшемся настоящем. И перемен, ожидавшихся так давно, увы, не предвиделось ни в каком обозримом отрезке времени...

В хмызник с заболоченным ручейком Жора не повернул, представив, как снова придется прыгать по вёдрам и кирпичам, а так и пошел себе напрямик по сухонькой шабановской дороге, совершенно верно предположив, что и эта дорога, как все дороги в здешних краях,

приведет его к озеру: и не ошибся. Удочки лежали там же, в окопе, и ярко синела внизу вода сквозь тёмную зелень ольхи, и сосны знакомо шумели над головой, когда Жора здоровой рукой кое-как извлёк из кустов свою находку. Пристроив её не без труда под мышкой, он вышел на дорогу и услышал вдали мотор приближающегося мотоцикла. Жора посмотрел направо.

Сперва над подъёмом дороги выросла голова – одна только голова в шлеме, потом – плечи в погонах... и весь трёхколёсный мотоцикл. Участковый Редько на своем допотопном заляпанном свежей грязью «Урале» спустился с холма и по знаку Жоры остановился, но мотора не заглушил.

– Не у Паставы я, тава-а-рыш-ш следователь!.. – проорал Редько на вопрос Жоры, стараясь перекрыть голосиной чихающий перебоем от разбавленного бензина рёв двигателя. – Не у Паставы я, в Идалину!

– А чего ж ты... так?.. – посмотрел Жора в сторону, противоположную той, куда ехал Редько, и, сделав движение головой, что, мол, надо там обогнуть озеро, потому что на карте, которую он изучил перед отъездом, выходило, что дорога из Шабанов, минуя реку, пересекает шоссе и напрямик ведет в Идалину. А если обогнуть озеро с другой стороны, как собирался Редько, то дашь вон какого крюка и не минёшь брода.

– А чорт яго!.. Праз Пятроущыну не праехаць! – показал Редько запачканные грязью руки. – Засеу аж ля самай вёски и адкапвауся гадзину!

«Не вредно! Не вредно тебе лопатой помахать!» – с усмешкой подумал Жора, оглядывая тучную фигуру участкового и вёрткие заплывшие жиром глазки.

– Як вымерли усе! Ни души! – жаловался Редько. – Каб трактар яки папаўся! Дык не! Никога! У калхозе рабіць не хочуть!

«А сам-то!» – опять усмехнулся Жора, усаживаясь в коляску, потому что вспомнил, как этой весной старая Ванда, мать Редько, жившая где-то поблизости, засыпала начальника милиции письмами, в которых просила починить ей прохудившуюся крышу, потому что сын её, работающий в милиции, с тех пор, как она, старуха, по немощи своей не держит корову и поросянка, перестал к ней ездить и совсем забыл... И крышу починить некому. Сам же участковый Редько, как и всё местное начальство, включая и председателя, проживал в Поставах, и на участок свой, как те – на службу на личных машинах, выезжал на своём «Урале». Оставалось только рядовым колхозникам переселиться в райцентр и дружно приезжать на поля рейсовыми поставскими автобусами. А впрочем, переселяться-то, собственно, было некому. Полеводческая бригада колхоза на все три деревни насчитывала шесть человек. Что в силах они были сделать на необъятных просторах родных полей? Естественно, что вся основная работа падала на плечи столичных шефов с завода «Горизонт», многие из которых были здесь, как свои, примелькавшись и проводя не меньшую часть года благодаря вновь приобретенной второй профессии механизаторов и трактористов.

Пытаясь поудобней пристроить удочки, Жора замер. Он вдруг обнаружил, что рука не болит. Даже вид её был уже не столь пугающий. Он блаженно расслабился и, подпрыгивая в грохотающей по ухабам коляске, с удовольствием даже выслушивал длинейшее причитание участкового о том, что, вот, он – дурак, зря поехал лесной дорогой! Теперь на шоссе не выедешь: через Петровщину пути нет – грязь, трактора разъездили. А через брод рискованно – ещё засядешь. Речка вышла из берегов. Дожди...

Говорил всё это Редько в надежде, что начальство прикажет, раз уж так, поворачивать назад в Поставы той же лесной дорогой. Но указа не поступало. Нечего было Жоре делать сейчас в Поставах, был у него на сегодня отгул. Хотя отгул – это так, для маскировки. Чего уж там скрывать – разжалобил чем-то начальника минский рыболов-истребитель! Потому и вызвало Жору начальство с утра пораньше, и дало отгул, но велело за выходные попутно разобраться и с удочками в неформальной обстановке.

«Ну и неформальная получилась обстановка! – думал Жора, пропуская мимо ушей причитания Редько. – Чистой воды неформалка, дальше некуда! Хоть стой – хоть падай, хоть режьте меня на куски, не знаю, что и сказать...» – А потому указа от следователя не поступало... Тем более, что имелось у Жоры в Идалине и еще одно, более важное дело, порученное начальством... И ехал Редько к броду – другого-то ничего не оставалось. Но ехать ужас как не хотелось, и надо было срочно что-то соображать. А поэтому он снова завёл пластинку о том, что вот, мол, в Маньковичах мост провалился – тот, что у старой мельницы, да и далеко это – через Маньковичи. Какой крюк! Уж лучше вправду – назад в город лесной дорогой. Его, Жору, по пути «завезти», а там уж он – по шоссе, один, и без всяких мытарств – в свою Идалину... Бензин казённый...

Бензин-то был государственный, дармовой. Но сэкономил его почему-то Редько, потому и ездил сюда через лес короткой дорогой... и причитал сейчас, чтобы только не завернуть к броду.

Не дослушав, Жора сообразил, что едут они уже по горе, разделявшей собой два озера, и справа внизу мелькают через кусты знакомые палатки отдыхающих.

– Постой минутку, да не глуши! – вовремя крикнул он участковому, почти на ходу выпрыгивая из коляски.

Олег Николаевич, с нетерпением и злорадством поджидая неопытного следователя, как на грех, отлучился в лесок «по своим делам». Всего на минутку, но как это всегда бывает – в самый неподходящий момент! А загоравший на матрасе Вадик, завидев следователя, поднялся к нему навстречу. Вадик не сразу понял, что принес следователь, и, только приняв удочки из рук в руки, обмер с открытым ртом. Завертелось, завертелось всё в глазах у Вадика – лишь одна сумасшедшая мысль – «сплю я или не сплю?» – сосредоточила на себе, и как это всегда бывает, обеззвучила то, что сказал следователь. «...Сам доберусь...» – долетел до него конец фразы, когда слух и зрение вернулись-таки в оправившийся от шока мозг, и сквозь плававшие перед глазами круги он увидел Жору, показывавшего рукой за дот, в сторону лесной дороги, откуда в течение всего разговора доносился звук работавшего мотоцикла.

Так и замер Вадик с удочками в руке...

А Жора был несказанно рад тому, что так счастливо избежал объяснений. Всё, как и договаривались с хозяином: удочки отыскал, и никаких претензий. Благодарности до сих пор вызывали у Жоры неприятное чувство неловкости.

Один Редько был не рад судьбе. Не рад он был нечаянному попутчику. Как черти того принесли, и чем ближе подъезжали к броду, тем больше кислого недовольства появлялось на его лице, тем сильнее подбрасывало Жору в коляске.

– Ну вот... – пробурчал он, останавливаясь на перекрестке. – Брод направо... Мотор чихнул и заглох.

Всё это означало, что недогадливое начальство может переиграть, и что не поздно ещё повернуть налево. В Поставы...

– И мне в Идалину. – Спокойно произнес Жора.

– Дождь будет... – почесал шею Редько.

Жора оглянулся на тучу, которую действительно несло с запада. С Вильно-Ковно, как сказали бы отдыхающие, изучившие местный климат. А если так, пощадь не жди! Туча с этого направления стороною не обойдёт, не минет. Балтика шутить не любит. Скорей-скорей подбирать разбросанные вещички да накрывать полиэтиленчиком наколотые дрова!

У Жоры не было с собой ни зонтика, ни плаща, но он подумал обо всём этом как-то на удивление равнодушно, только спросил Редько:

– Что у вас в Идалине?

– К Дубовцу я! – крикнул тот, уже заводя мотор. – А вы? – добавил как-то поспешно, вдруг застигнутый нехорошей мыслью.

Ёкнуло что-то внутри у Жоры. Следователь оцепенел, но виду не подал и только небрежно кивнул, как бы соглашаясь и, сморщившись вдруг от дикого рева двигателя, сделал вид, что не хочется ему кричать в этом шуме.

Теперь оцепенел Редько. Даже краска вмиг отлила от синюшно-багровых щек, и так подбросило Жору на очередном ухабе, что недолго было и вылететь из коляски.

«Украл снова, сволочь! – решил сгоряча Редько. – Вернуться ещё не успел – и нá тебе! Опять кража! И начальство знает...» – и не на шутку обеспокоился участковый, ибо давненько не навещал свой участок: косил сено тёще...

Известно, – косили, потом ворошили. Потом угостила. Потом отлёживался, до сих пор голова болит, и только вчера получил сведения, что горит по ночам у Константика свет в окошке и околачиваются возле хаты какие-то неизвестные подозрительные лица.

У речки глядел на воду сморщенный старый дедок с плетёным кошиком в руке. На дне желтело несколько старых лисиц.

– Как грибы, отец? – крикнул Жора. – Может, перевести?

– А, хай их халера! – махнул дед рукой. – За польским часам и грибы были, и мост бы. Добры мост... А тяпер? Ничога никому не трэба...

– Да раньше вроде... Был тут а вас какой-то мостик! – припомнил Жора. И точно был! Ладный, новенький, из желтых струганных бревен с аккуратными, даже красивыми перилами. – Ещё прошлым летом!

– Солдаты той мост рабили. Вучэння были... И пакинуть нам той мост хотели... Але ж трэба было платиць. Не згодзиуся председатель.

– Не откупил?

– А навошта яму? Ци ж ён тут ходиць? В «волге» яму па шассейке лепей...

«Да... – вздохнул Жора. – Жил бы здесь, так и мост бы построил...»

– Давайте всё-таки перевезем! – выпрыгнул он из коляски и вдруг почувствовал, что рука совсем не болит.

– А-а, сынок... – махнул рукой дед. – Дзякуй. Па кладке я доберусь. Праклали добрыя люди...

Кладка, к которой направился между тем дед, была, прямо скажем, рассчитана не на его годы. Свалил кто-то столетнюю большую ольху с одного высокого берега на другой, перильце соорудил – вот и вся кладка, похожая снизу, откуда смотрел Жора, на тот подвесной мост, которые встречаешь в горах. И сама речка казалась горной – быстрая, прозрачная, неглубокая, шумела она по камням меж обрывистых берегов, где смыкались кронами высокие деревья, все обвитые плетями хмеля.

Редько же, не занятый наблюдениями над природой, с нетерпением ждал, когда Жора вскочит назад в коляску, ибо готов был уже штурмовать реку. Хорошо знал Редько народную поговорку «не зная броду, не суйся в воду» и брод знал. Примеривал уже глазом, как круче развернуть мотоцикл, чтобы взять чем можно быстрее влево и пересечь русло реки у камня, где она узкая, вытекая из леса, и ещё бурлит, и кажется всего опасней. Но путь этот оказывался как раз самым надёжным. Знал Редько: твердое галечное дно не даст завязнуть, и если не сдадут нервы и пойдешь на самой маленькой скорости – не плеснёт волна и не зальёт свечи. Не заглохнет мотор, а вытянет – и после резкого поворота вправо посередине – только скорости не прибавлять – выедешь на другой берег, только не трусь! А сунешься напрямик – в самом тихом широком месте, где река разлилась и дно песчаное, и кажется – глубины-то никакой нет – так и сядешь в яму. Разъездили трактора и танки! И ухнешь по самый руль или по самые окна в воду, как все эти городские на новеньких «жигулях». Тащи тогда свою машину сам или жди трактора – вытянет за бутылку.

И лихо выехал с песка Редько – не залило свечи. До самого камня не залило! Дело известное. Не впервой! А жизнь и дурака научит. Да только шевельнулась где-то внутри злость –

злость на Жору, на непрошенное начальство, и подумалось: не засесть бы сейчас! А известное дело: чего боишься, того не миновать; что хочешь – то и получай! И не выдержал скорость Редько, дал газу... И сдох мотор – на самой середине речки.

Пришлось вылезать и Жоре. Брюки снимать как-то не захотелось, хорошо ещё не в яме сели, яму они объехали – вода была по колено. Только сейчас заметил Редько, что что-то у Жоры с рукой: толкал он одной лишь левой, придерживая правую на весу.

– Перелом, – сухо ответил Жора.

«Черти тебя несут! Руку сломал, а надо ему в Идалину, к чертям собачьим!» – рвал и метал Редько. И не знал, не знал участковый, как близко он был от истины и как далёк от неё!

Но выехали они на дорогу, покати́л мотоцикл по прямой, как стрела, гравийке – насыщенному среди болот тракту ещё при панах. Обогнали они деда с кошиком и через две минуты были бы с Жорой на шоссе, промчись Редько по этим колдобинам как положено, с ветерком – и не подбрасывало бы, не трясло. Да нудил Редько: пилил по ухабам с черепашьей скоростью, всё раздумывая, как бы избавиться от «халеры» – и подскакивали они оба на каждой яме неухоженной разбитой дороги.

«Запустили! – ругался Жора. – Хоть грейдером бы прошли! Ведь совсем разобьют. В конце! Благо военные во время учений гравием подсыпали, а то была бы здесь, как в Петровщине – непролазная грязь!» И уйдя в злые мысли о том, что всё у нас так – чёрт знает как и чёрт его знает почему, не заметил даже новых хитростей участкового, опять попытавшегося избавиться от попутчика. То оглядывался Редько на тучу, которая ползла сзади, и хмуро качал головой; то долго стоял на перекрестке, пропуская мимо себя весь редкий грузовой транспорт, который только виден был на горизонте. И когда ни справа, ни слева в пределах видимости не оставалось ни единого движущегося объекта, он решил действовать напрямик, указав Жоре на кучку мужиков и баб, собравшихся у автобусной остановки:

– Автобуса ожидают. Мядельски скоро буде... Можа вам с вашай рукой таксама б...

Жора глянул на автобусную остановку, задуманную под старину в виде сказочного теремка, но только и смог подумать, увидев обвалившуюся со стен плитку и битый кирпич, что она, эта остановка, построенная только осенью, уже разваливается, как всё почему-то, что строится в этих краях, и уже имеет вид той старины, под которую создавалось...

Редько же, услышав молчание в ответ на столь недвусмысленный свой намёк, расценил это как зловещий признак и в страхе решил, что худшие его опасения оправдались: что встреча подстроена и нечто страшное случилось там в Идалине... может, даже убийство, а его – под предлогом всего этого, о чем он не знает, срочно хотят отослать на пенсию...

«Но что? Что случилось в этой чёртовой Идалине, и кто там ошивается возле хаты?» Все мысли Редько сосредоточились на одном: как выведать всё это у следователя, не выдав чем-нибудь своё незнание. Так, в непосильных, вышибших пот попытках придумать что-нибудь, но ничего всё же не придумав, переехал Редько через шоссе.

Но то, что открылось им сразу же за асфальтом, – грязная, блестящая лужами и жирной глиной проселочная дорога – бог весть как по ней ездили люди – определенно вселяло надежды. Тотчас же дельные мысли и соображения зашевелились в голове Редько.

– Да поехали же! – поторопил Жора, потому что с минуту уже участковый медлил, не решаясь съехать с шоссе и обдумывая про себя, как бы это сказать, что уж три дня подряд приезжает сюда, да дорога вот... не даёт нести службу.

Первая лужа на спуске не была так страшна, как казалась. Видел Жора, что она проезжая, не глубже, чем речка, которую только что миновали, и дно – твердое, не разбитое – за лужею на подъёме отчетливо были видны два свежих следа: проехали на легковушке.

– По серёдке давай, не бойся, – дал совет Жора, но Редько и тут всё испортил, загнипнотизированный видом лужи. Возьми он ее на скорости и лихо промчи слёту по всем остальным ухабинам, – были бы они на полпути к Идалине. Но мышление большинства людей не способно

к гибкости. Раз в брод потиху – научил его брод, научил – то и тут так же... Не видел, ох, не чувствовал сейчас Редько, как всё это надо делать! Как скрытым зрением чуял всё это Жора. Да известно ещё, не грех повторить: чего ждёшь и боишься – то и получи! Осторожно проехал Редько – и заглох, не вытянул на подъёме мотор.

– Дай-ка я! – потерял терпение Жора и сел на место Редько: освобожденный от тяжести мотоцикл ожил и с усилием, но взял подъём. Только сейчас он увидел обе свои руки, крепко держащиеся за руль...

– Стой! – закричал сзади панически причитающий Редько. – А что, если дождь? А назад как?

Открывшаяся впереди картина под названием «сельское бездорожье» могла впечатлить не одного только участкового, но и самого Жору, повидавшего-таки на своем веку украинские черноземы, где не дай бог съехать в сторону после дождя. Никуда с дороги!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.